

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-146-174
УДК 96/94

Советские партизаны 1941–1945 гг.: пути и возможности научного анализа явления

Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>, e-mail: mayormp@mail.ru

Soviet partisans of 1941–1945: ways and possibilities of the phenomenon scientific analysis

Vladimir L. DYACHKOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>, e-mail: mayormp@mail.ru

Аннотация. Предложена первая попытка научной социологии наиболее сложного явления социальной истории Великой Отечественной войны – советского партизанского движения. Максимально историчное исследование оказалось возможным, прежде всего, благодаря формированию общедоступных электронных баз данных с десятками миллионов персональных записей с десятками информационных параметров в каждой. Комплексная обработка связанной репрезентативной информации различных ЭБД на длительных непрерывных линиях позволяет «собрать» коллективный социальный портрет советских партизан как комплекс формирующих признаков и сравнить его с коллективными портретами других групп социальных активистов 1941–1945 гг. В числе этих признаков-черт: общее и особенное времени и места рождения будущих активистов периода большой войны, их социального происхождения и довоенного социального положения, половозрастной структуры, национального состава, межвоенных миграций, положения в РККА и характера участия в войне. Особое внимание уделено социально-исторической антропологии активизма периода большой войны. Статья обильно обеспечена графическими итогами исследования.

Ключевые слова: война; социальная активность; партизаны; электронные базы данных; длительные непрерывные линии просопографической информации; коллективный портрет

Благодарности: 1. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ по проекту № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

2. Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ, проект № 18-00-00814 (18-00-00813).

Для цитирования: Дьячков В.Л. Советские партизаны 1941–1945 гг.: пути и возможности научного анализа явления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 184. С. 146-174. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-146-174

Abstract. We propose the first attempt at scientific sociography of the Soviet partisan movement as the most complex phenomenon of the Great Patriotic War social history. At most historic study was possible, first of all, due to the formation of publicly accessible electronic databases with tens of millions of personal records with dozens of information parameters in each. The complex processing of coherent representative information of various electronic databases on long continuous lines allows you to “gather” a collective social portrait of Soviet partisans as a complex of formative signs and compare it with collective portraits of other groups of social activists 1941–1945. Among these features-traits: the general and particular time and place of birth of future activists of the great war period, their social origin and pre-war social status, gender and age structure, national composition, interwar migrations, the status in the Workers’ and Peasants’ Red Ar-

my and the nature of participation in the war. We pay special attention to the social and historical anthropology of activism during the great war. The work is abundantly provided with graphical results of the study.

Keywords: war; social activities; partisans; electronic database; long continuous lines of prosopographic information; collective portrait

Acknowledgements: 1. The article is fulfilled under financial support of Russian Science Foundation grant on the project no. 18-18-00187 “Strategy of Demographical Behavior of Peasantry in the South of Central Russia in the 20th – early 21st Centuries”.

2. The article is written as part of the study funded by Russian Foundation for Basic Research grant, project no. 18-00-00814 (18-00-00813).

For citation: Dyachkov V.L. Sovetskiye partizany 1941–1945 gg.: puti i vozmozhnosti nauchno-analiza yavleniya [Soviet partisans of 1941–1945: ways and possibilities of the phenomenon scientific analysis]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 184, pp. 146-174. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-146-174 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Часть I. Постановка проблемы, методология и методика исследования

Термины: Советские партизаны Великой Отечественной войны как явление и как человеческая совокупность – люди активного вооруженного сопротивления оккупантам и их пособникам, действовавшие в тылу противника. Интегральная мотивация деятельности – экзистенциальная борьба против смертельного врага.

Уровни научного исследования (при игнорировании пафосно-пропагандистского подхода как неисторичного), основанные на принципе историзма:

1-й – Разложение сложного явления советского партизанского движения на составляющие и анализ эволюции этих частей от предвоенной экспозиции к Победе. Разновеликими частями данного явления (действовавшими иногда по отдельности, но чаще в различных непростых комбинациях) были:

а) партизаны из гражданского населения регионов СССР, оккупированных противником;

б) партизаны из красноармейцев-«окруженцев»;

в) партизаны из бежавших из плена красноармейцев, действовавшие в СССР;

г) бежавшие из плена красноармейцы – участники европейского Сопротивления;

д) советские диверсионно-разведывательные группы (ДРГ), созданные ДО войны, на случай борьбы на оставленных территориях;

е) советские ДРГ, сформированные в ходе войны в советском тылу и переброшенные во вражеский тыл;

ж) первичные партизанские структуры, созданные из местных партийных и советских работников в ближнем советском тылу и развернутые в действующие отряды при оставлении родных регионов;

з) спецгруппы НКВД–НКГБ, «мониторившие» во вражеском тылу коллаборантов противника и занимавшиеся ликвидацией предателей и старших вражеских офицеров.

В особую сложную по структуре и действиям группу «не советских» партизан из СОВЕТСКИХ граждан следует выделить активистов борьбы против немецких оккупантов и их союзников в спектре от польских Армии Крайовой и Армии Людовой до отдельных украинских националистов.

Учтем и то, что среди советских партизан в СССР были вкрапления из иностранцев (чехи, словаки, румыны и т. д.), сменивших службу в армиях врага на антигитлеровскую борьбу.

По совокупности конкретно-исторической сложности, политических и моральных ограничений, невысокой обеспеченности не всегда доступными источниками, историографического кадрового и методологического кризиса последних десятилетий «партизанская планета» оказалась наименее изученной в столь близком космосе Великой Отечественной войны¹.

Тем не менее, сегодня есть возможность выйти на второй, более «продвинутый» уровень постижения данной части социальной истории той войны. Опираясь, прежде всего, на современные управляемые ОБД «Мемо-

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985.

риал» и «Подвиг народа» и на понимание разнообразных советских партизан как социальных активистов, мы делаем этот шаг.

Ведя многофакторный (время и место рождения, время и место призыва в РККА, пол, национальность, довоенный род занятий, воинское звание и род войск, членство в коммунистических организациях, боевой опыт) поиск по таким маркерам повышенной советской социальной активности, как «партизан», «доброволец», «бежал из плена», «передан гестапо», «награжден» и сравнивая полученные результаты с подобным анализом «не советской» активности по маркерам «предатель», «перешел на сторону врага», «сотрудничал с врагом», «осужден», «растрелян», «дезертировал», «самоубийство», мы получаем репрезентативную (миллионы персоналий), объективную, полную и всестороннюю сравнительную зримую (графики, гистограммы, таблицы) социографию советских партизан.

Источники и методика исследования

Наиболее информативным источником в составлении сравнительной социографии советских граждан как различных типов участников и жертв Второй мировой войны оказывается Объединенный банк данных (ОБД) «Мемориал» (<https://obd-memorial.ru/html/advanced-search.htm>) с его 35 млн персональных записей с десятками параметров информации о советских людях, пострадавших (на 90 % погибших) в 1941–1946 гг. Выявление советских партизан по этой базе данных (БД) осуществлялось по двум линиям: а) поиск по маркеру «партизан» как воинское звание и б) поиск по маркерам «партиз.» и «партизанского» как указание на последнее место службы в том или ином партизанском отряде или соединении. Первых в ОБД «Мемориал» насчитывается около 32 тыс. человек (из-за повторов и других дефектов источника число не может быть точным до десятка человек) и у 19,4 тыс. из них указан год рождения (ГР), а у 4671 человека и место рождения (МР). Вторых в сумме – около 22,6 тыс. человек при 20,3 тыс. с ГР и 7 тыс. с МР. Дата выбытия (гибели, ГГ) присутствует в данных двух группах партизан у 26,5 тыс. и 23,6 тыс. человек соответственно. Подобная репрезентативность обеспечивает надежность партизанской социографии в связках «время и место рождения; время, место и характер выбытия

(гибели); национальность; половозрастная структура; воинское звание и должность; время и место призыва в РККА, довоенные миграции; имя и антропометрия».

Вторым массовым источником в нашей теме становится также общедоступная БД «Подвиг народа» (http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople_search) с ее 9 млн записей о награждениях советских военнослужащих периода Великой Отечественной войны орденами и медалями СССР. По сравнению с ОБД «Мемориал» эта БД менее удобна для поиска, ее формуляр содержит меньше информационных параметров, но главное – партизанам и подпольщикам в ней «не повезло», так как награждение данных категорий борцов против нацистов и оккупантов в огромном большинстве проходило не в структурах Красной Армии и Наркомата обороны, а по линиям Центрального и республиканских штабов партизанского движения, НКВД и НКГБ. Потому в «Подвиге народа» как БД Министерства обороны мы находим лишь 1900 награжденных партизан. При этом отсутствуют удостоенные высокой и самой массовой (около 137 тыс. награжденных) партизанской награды – медали «Партизану Отечественной войны». Правда, данного количества партизан «Подвига народа» с добавлением биографий 259 партизан – Героев Советского Союза и Героев РФ достаточно для общего анализа половозрастного и национального состава, мест рождения, межвоенных миграций, антропомимических характеристик награжденных партизан. И все же обе БД – «Мемориал» и «Подвиг народа» – обеспечивают бесценную для исследователя возможность погружения в подлинную социальную историю войны как через сканы документов о смерти бойца, так и через сканы представлений героев к наградам.

Третьим электронным массовым источником в сравнительной социальной истории войны служит Сводная база данных (СвБД) (<http://old.v-ipc.ru/Ref/all.asp>). Она содержит более 4,5 млн персоналий, включая более 600 тыс. жертв блокады Ленинграда и более 3,5 млн погибших уроженцев 16 регионов РСФСР. Информационный потенциал, возможности поиска по этой БД ниже, чем у ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа», и в ней нет прикрепленных документов, но ее преимуществами оказываются высокая точ-

ность, «чистота», а алгоритм поиска позволяет разделить погибших по полу и возрасту, что при подсчетах миллионов людей многократно ускоряет обработку данных по половозрастной динамике смерти в войну. Определенным исследовательским «везением» можно считать и то, что в число 16 регионов СвБД попали 9 областей (Архангельская, Вологодская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Новгородская, Смоленская, Тульская области, Карелия), полностью или частично оккупированные врагом, затронутые фронтом в годы войны, что неизбежно делало их зонами партизанской борьбы [1–4].

И, конечно, важными свидетельствами для понимания мотивации и особенностей партизанской борьбы, характера противника, драматических и трагических реалий войны служат письма, дневники, воспоминания, фоно- и фотодокументы, исходящие от советских бойцов – от рядовых связных, разведчиков, подрывников до комиссаров и командиров партизанских отрядов, – сражавшихся в тылу врага [5; 6].

Принцип историзма как единственно возможный метод определяет два связанных методических приема выяснения коллективных портретов советских партизан: 1) отслеживание сравнительной социографической динамики на длинных непрерывных рядах репрезентативных данных и 2) структурный анализ отдельных сторон облика наших героев с графической презентацией полученных результатов.

Часть II. Время и место рождения, межвоенные миграции, половозрастной состав советских партизан

Время рождения и средний возраст

Рисунок кривой рождений и средний возраст советских партизан определены меняющимися во времени комбинациями их социальных составляющих: до 1890-х гг. рождения наши партизаны почти исключительно представлены гражданскими «стариками»; с 1890-х гг. рождения в них до полного преобладания к 1922 г. рождения нарастает доля военнослужащих (красноармейцы, бежавшие из плена, «окруженцы» и советские бойцы, заброшенные во вражеский тыл), которая гаснет к 1927 г. рождения, уступая место «не поднятой на призыв» в

РККА молодежи, юношам и подросткам непризывных возрастов. Данное отличие партизан от РККА с советской стороны фронта обеспечило им один из самых молодых средних возрастов. Партизанам-мужчинам по маркеру «партизан» на 1943 г. было в среднем 27,84 года, а по маркерам «партиз. + партизанского» – 27,38 года. Абсолютный пик – 16–18 % общего числа – рождений будущих партизан пришелся на 1923–1924 гг., то есть в середине войны этим ребятам было по 19–20 лет (рис. 1–5).

Из советских патриотов ровесниками (27,55 года) партизан были красноармейцы, бежавшие из плена, а самыми молодыми – добровольцы с их 26,1 года. Из антисоветского актива чуть моложе партизан (27,37 года) оказались помеченные маркером «сотрудничал с врагом», так как они в большинстве своем состояли из неармейской молодежи и подростков, угнанных в Германию.

Для сравнения – самыми «старыми» из советских бойцов были красноармейцы, умершие от болезней, и небольшая группа подпольщиков (по 34 года), а во всей совокупности призыва/потерь РККА средний возраст сельских уроженцев составлял в зависимости от региона рождения 31–33 года, а горожан из-за особенностей призыва – 28–30 лет, при общем армейском среднем в 30,4 года. Учитывая, что наши партизаны на 95 % были родом из села, а добровольцы лишь на 70 %, то их интегральную молодость следует считать особой приметой.

Партизанки были в среднем еще на 3–4 года моложе – 24,9 года в категории «партизан» и 23,3 года по маркерам «партиз. + партизанского». За таким первенством стояли особенности призыва девушек в РККА: в 1941 г. – юные добровольцы и военнообязанные (по преимуществу фельдшеры и медсестры), с весны 1942 г. – незамужние, бездетные девушки 1918–1924 гг. рождения. Успешная советская индоктринация молодежи, сопротивлявшейся программе и действиям оккупантов, также стала фактором исключительной молодости партизанок, обеспечив 1922–1923 гг. рождения долю в 30 % их числа.

Особенности призыва девушек в РККА как канала попадания в партизанки внесло еще одно отличие в линию их рождений: если линии лет рождений всех категорий мужчин-участников войны отразили объективное

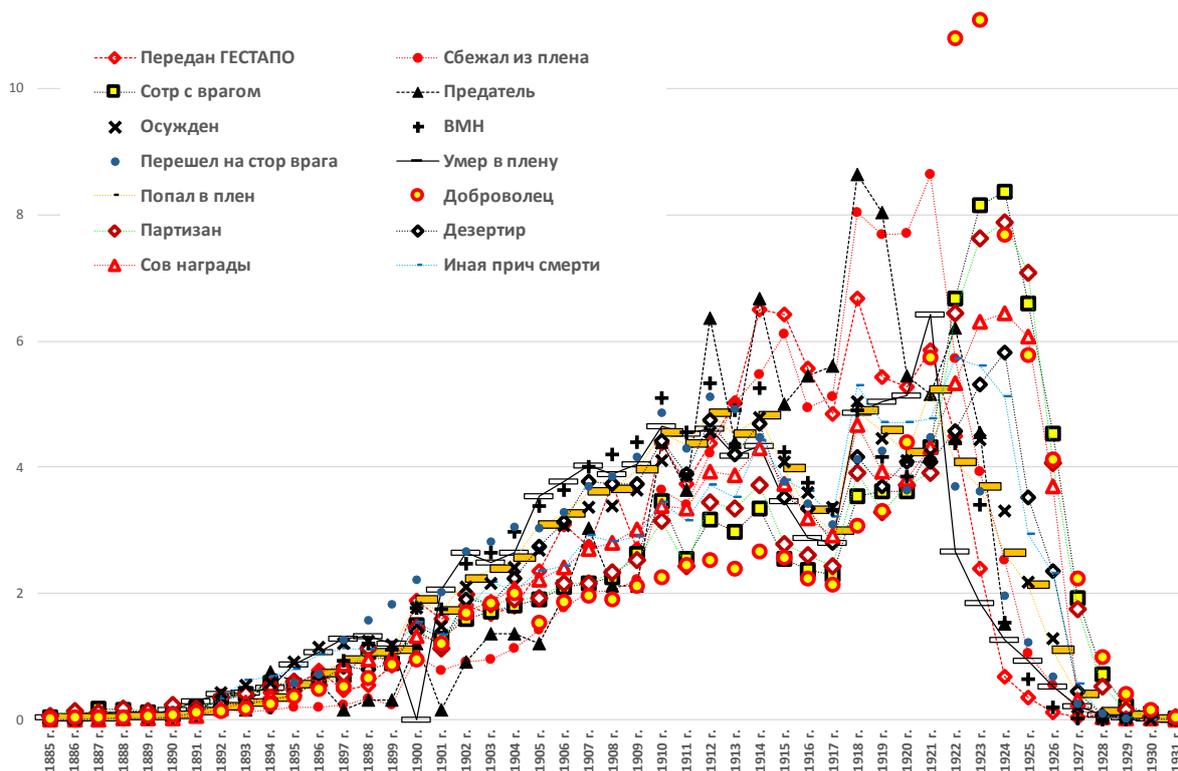

Рис. 1. Доли лет рождения представителей 14-ти категорий социальной активности советских граждан в ВОВ; 1885–1931 гг. рождения

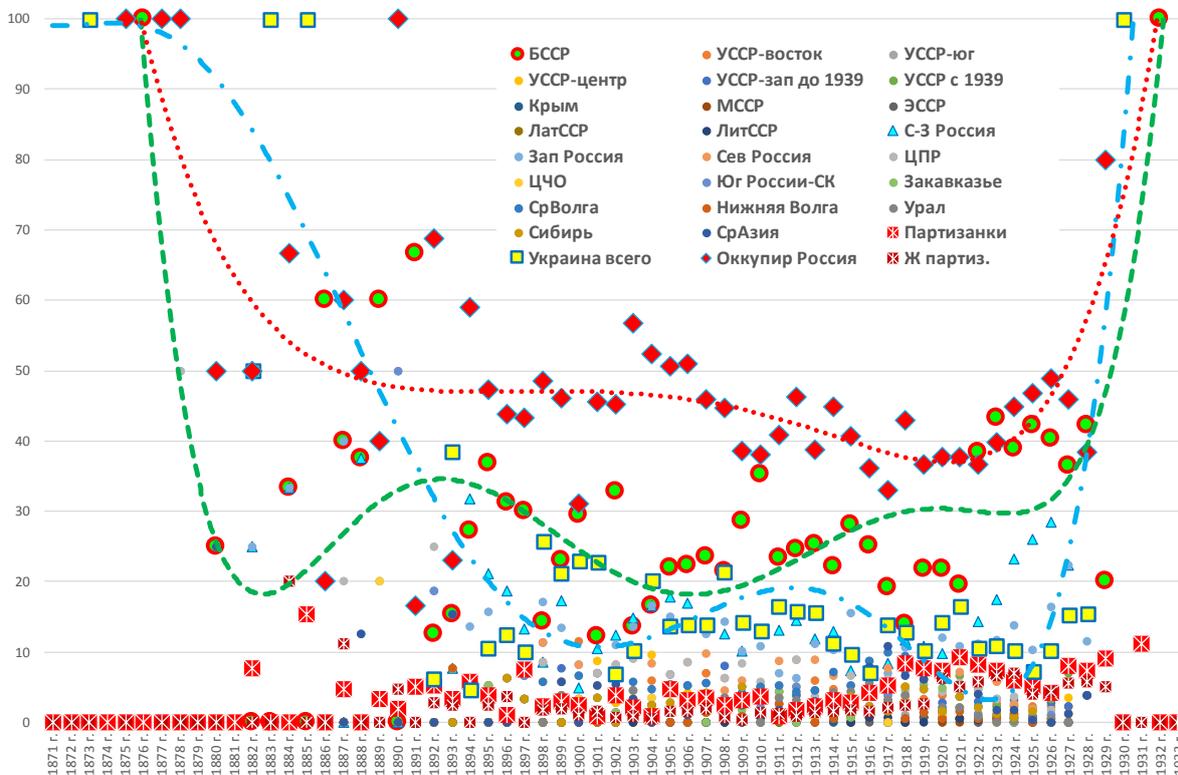

Рис. 2. Движение долей регионов рождения и «женской доли» в числе партизан (воинское звание «партизан»); 1871–1933 гг. рождения

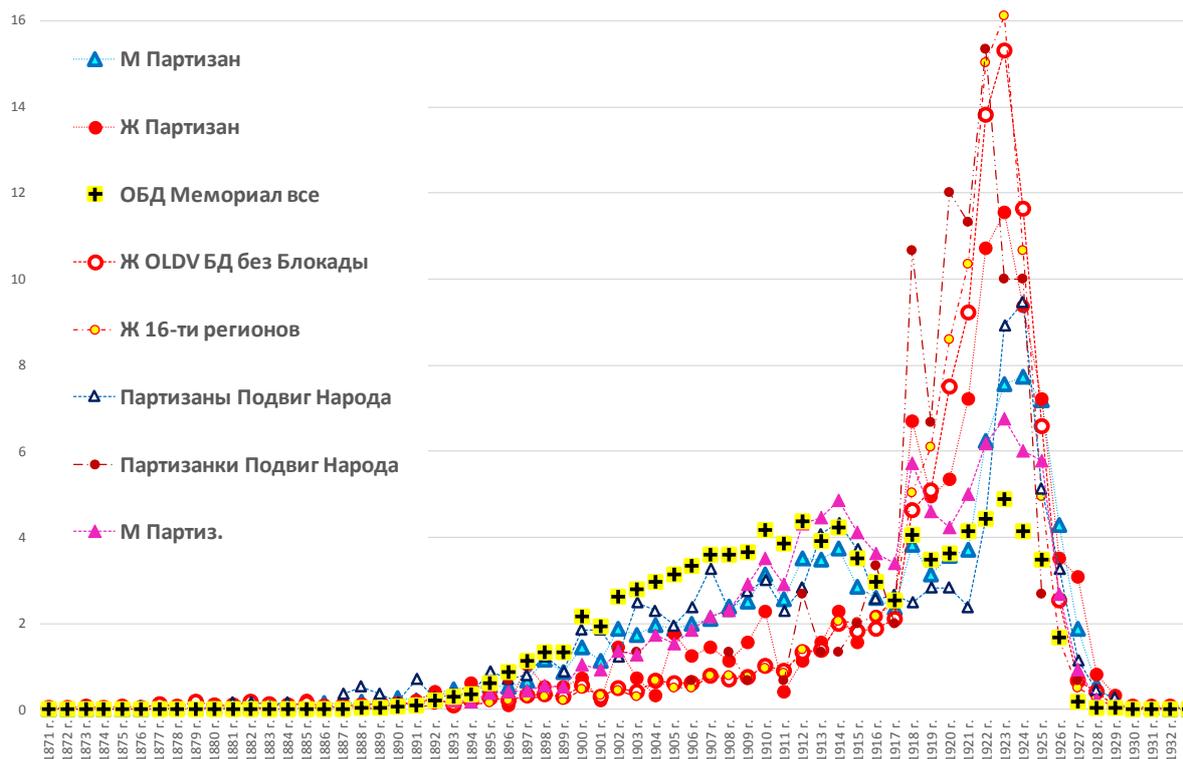

Рис. 3. Доли лет рождения бойцов РККА, женщин СвБД, мужчин-партизан и женщин-партизан ОБД «Мемориал» и БД «Подвиг народа»; 1871–1933 гг. рождения

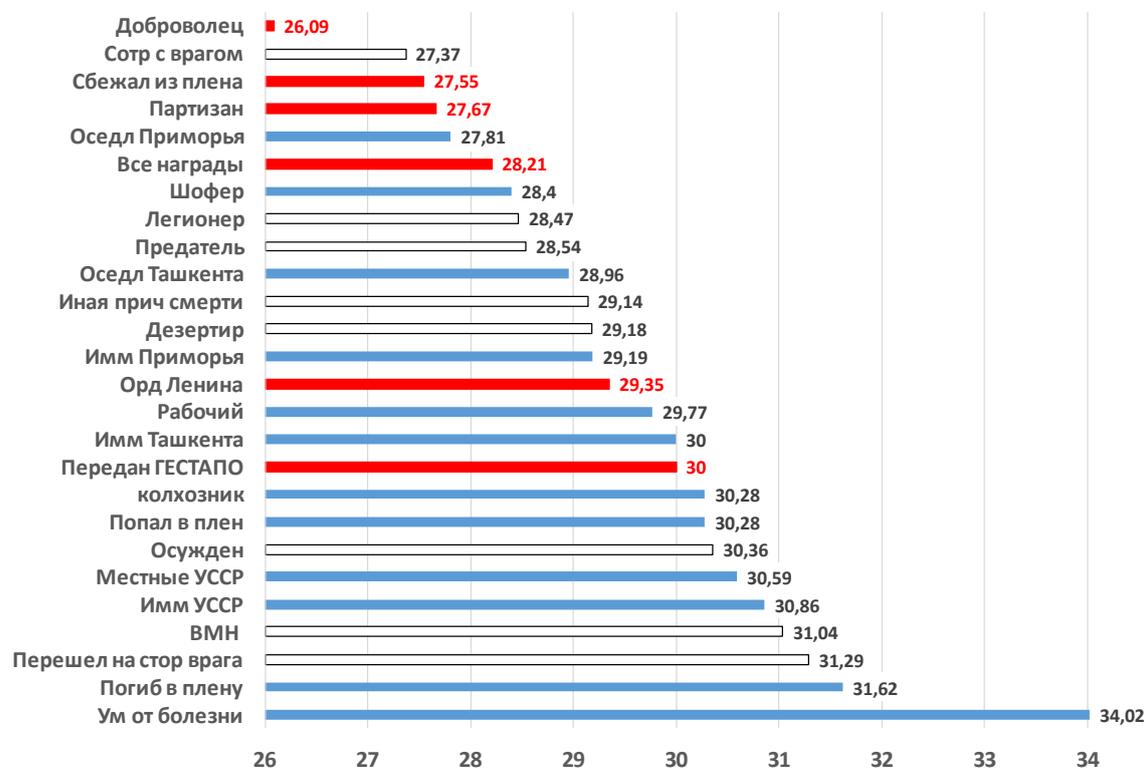

Рис. 4. Средний возраст в 1943 г. в 26-ти категориях судьбы советских граждан в Великой Отечественной войне

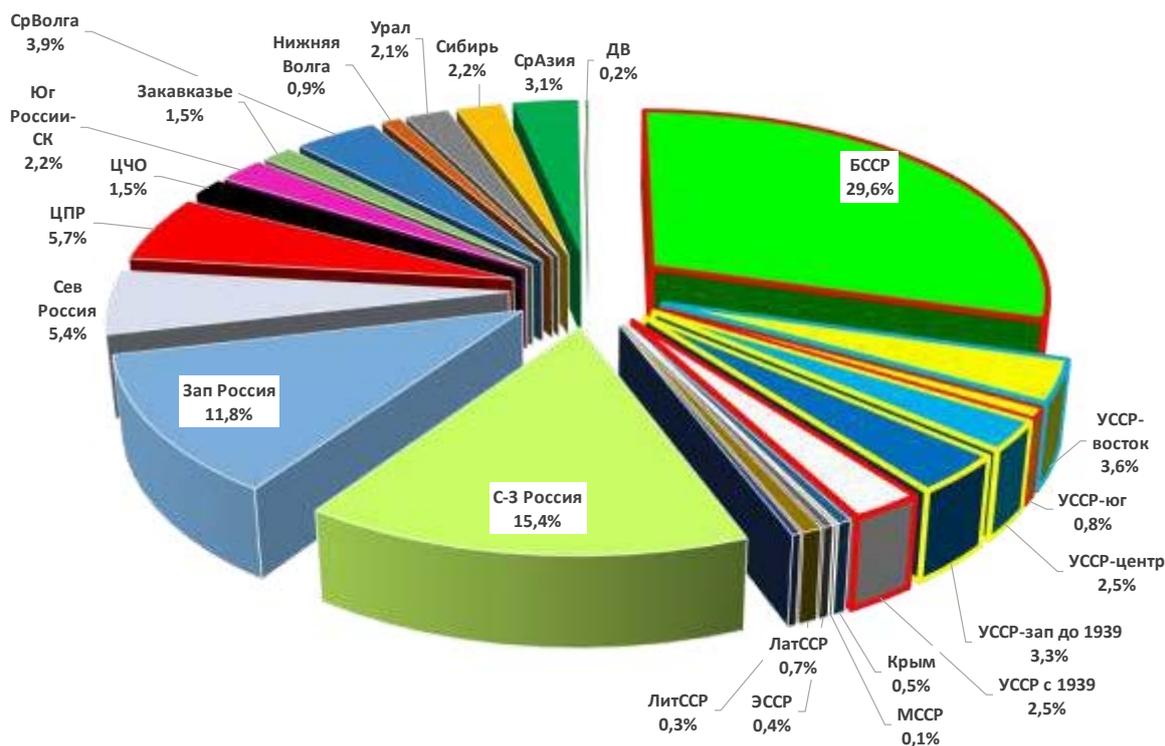

Рис. 5. Регион рождения партизан (военское звание «партизан»)

движение жизненной статистики вплоть до 1925 г. (подъем рождений-прироста к 1914 г. в рисунке 28-летнего природно-демографического цикла, общее падение к 1917 г., компенсация 1918 г., новое падение в Гражданскую войну и голод 1921–1922 гг., подъем в первые годы нэпа), то женские армейские и партизанские линии рождений знают лишь гладкий и крутой с 1918 г. взлет к пику 1923 г. с еще более крутым и коротким падением с вершины.

Особенна и динамика партизанских «женских долей». С одной стороны, женщины среди партизан заметно представлены как среди 60-летних бойцов в тылу врага, так и в совершенно юных возрастах, а в РККА ни пожилым женщинам (кроме единичных медработников), ни девочкам 12–14 лет не было места. С другой – «женские партизанские доли» в десятки (!) раз выше долей женщин в военной форме по нашу сторону линии фронта (в среднем 5 % в категории «партизан» и 3,2 % в категории «партиз. + партизанского» среди погибших партизан при средней женской доле в 0,3 % среди погибших красноармейцев Европейской России и менее 0,2 % по СССР, и при 1 % женщин-

военнослужащих в армейском призыве), что дополнительно говорит о сущности нацистов и их пособников и о крайне высоком риске боевой работы в тылу врага. И эта смертельно опасная, но важная работа женщин оценивалась выше, чем в остальных советских войсках: среди партизан, награжденных орденами и медалями СССР, и партизан-Героев Советского Союза женщины составляют 11,5 %, в то время как среди остальных Героев Советского Союза, отличившихся в 1941–1945 гг., «женская доля» в 20 раз меньше – 0,56 %.

Еще одна деталь облика награжденных партизан – равенство полов по среднему возрасту в 27,7 года на 1943 г., то есть отличившиеся в партизанской борьбе мужчины остались «при своих» средних, а героям-партизанкам нужно было быть почти на 4 года постарше.

Место рождения, место призыва в РККА, межвоенные миграции

Подсчеты по партизанской «географии» как подкрепляют, так и разрушают некоторые стереотипы представлений об этом явлении советского патриотизма. Если Белорус-

сия, оккупированные «русские» области как главные регионы рождения будущих партизан, а также оккупированные Прибалтика и национальные автономии Северного Кавказа как, наоборот, зоны наименьшего «производства» партизан воспринимаются с пониманием, само собой разумеющимся, то Украина, прославленная в массовом сознании партизанскими соединениями и подвигами подпольщиков, неожиданно озадачивает дилетанта. 42-миллионная (на 1940 г.) советская республика, потерявшая в войне около 10 млн своих солдат и гражданских жителей, дала парадоксально мало советских партизан – 12,7 % категории «партизан» и 7,35 % категории «партиз. + партизанского», в то время как Белоруссия «произвела» соответственно 29,6 и 56,7 %, а оккупированные «русские» области 42,5 и 30 % советских партизан. Провал большой, разной, на 95 % восточнославянской УССР в «производстве» будущих советских партизан становится более разительным при вычислении соответствующего индекса, получаемого путем деления «партизанской доли» региона (в %) на численность его предвоенного населения (в млн человек). Белорусские индексы в применяемых поисковых категориях партизан в этом случае составят 3,2 и 6,2 соответственно, Северо-Запад России даст 2,14 и 1,56, Запад России – 0,92 и 0,84, а УССР всего 0,3 и 0,14, то есть ее «советско-партизанские» показатели будут в 3–7 раз хуже, чем в оккупированных регионах РСФСР, и в 11–36 (!) раз хуже, чем в БССР, но примерно равны индексам политически непростой и не очень советской Прибалтики или тыловой России, откуда в партизаны попадали через повороты красноармейской военной судьбы (рис. 6–10).

В малой степени данный дефицит советского патриотизма на Украине оправдывается природно-географическими условиями ряда украинских областей, не слишком пригодными для обеспечения массового партизанского движения (степи, безлесные равнины). И, кажется, действительно – тогдашний новороссийский юг Украины от Мариуполя до Одессы как зона рождения и действий будущих советских партизан кратно проигрывал всей северной половине УССР от Ворошиловграда и Харькова до присоединенных до и после войны Волыни и Закарпатья.

Но все же главная причина скромного «производства» партизан на Украине крылась в соединении не советских и не патриотических исторических доминант поведения и психологии большей части населения УССР с эффективной политикой оккупантов, направленной на разрыв советского общества и на противопоставление одних его частей другим. В числе линий этой политики были и конъюнктурная поддержка украинского национализма, и поощрение всяческого коллаборационизма, и работа по изъятию молодежи на работу в Рейх и подконтрольные Германии страны Европы, и отпуск по домам военнопленных-украинцев или более льготные условия содержания украинцев в плену² и т. п., в то время как огромное большинство белорусов, русских и остальных «унтерменшей» ждало своей очереди на уничтожение вслед за евреями, цыганами и коммунистами любой национальности.

Оборотной стороной меньшей советско-патриотической активности на Украине были повышенные «украинские доли» комплекса антисоветского поведения в годы войны³.

По совокупности причин (движение линии фронта и длительность нахождения региона в оккупации, возможности и политика советских армейских мобилизаций, национальные структуры регионов и этапы их вхождения в СССР) спектры армейских потерь и партизанской «производительности» регионов совпадают лишь отчасти. Наибольшие расхождения очевидны для Западной Украины, Западной Белоруссии, Латвии, Эстонии, Карелии, Крыма с уровнем советского партизанского движения много выше доли армейских безвозвратных потерь и в регионах ближнего советского тыла, Новороссии, Дона, Кубани, где гибель их уроженцев на фронте и в плену значительно превзошла степень присутствия в партизанской борьбе. Остальные регионы (Молдавия, Лит-

² По предварительной обработке информации ОБД «Мемориал» индексы смертности во вражеских лагерях военнопленных для уроженцев УССР составлял в среднем 28,1 %, а для уроженцев БССР – 47,5 %, Узбекистана – 51,5 %, областей Европейской России – от 65,5 % (Сталинградская обл.) до 73,5 % (Тамбовская обл.).

³ По предварительным подсчетам соотношение «% национальности в объеме антисоветского поведения в плену/% национальности в объеме советско-патриотического поведения в плену» у русских выглядит как 0,52, у белорусов – 1,14, у украинцев – 1,5.

ва, Северный Кавказ, Закавказье, Урал, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток) демонстрируют относительное совпадение в не самом активном участии как в армейских мобилизациях/потерях, так и в советском партизанском движении.

Сравнение долей регионов рождения советских партизан по двум вариантам поиска («партизан» как звание, род боевой деятельности и «партиз. + партизанского» как последнее место службы) демонстрирует почти полную их корреляцию. «Почти» относится к двум случаям: 1) двукратно большая доля Белоруссии в категории «партиз. + партизанского»; 2) 13-кратно большая доля Европейского Севера России в категории «партизан».

«Белорусский казус» объясняется тем, что в момент выбытия (на 92 % гибель) человек служил в партизанском отряде, соединении («партиз.» в поиске по ОБД «Мемориал»), в большинстве своем действовавших в БССР и подчиненных Штабу партизанского движения в Белоруссии («партизанского» в

поиске). Потому в категории «партиз. + партизанского» повышенные доли местных, белорусских уроженцев и жителей, в том числе гражданских лиц.

В случае с Европейским Севером (Мурманская, Архангельская, Кировская, Вологодская области, Коми АССР), затронутым фронтом и вражеской оккупацией в малой части и ненадолго, его 5,4 % партизан по воинскому званию и лишь 0,4 % в категории «партиз. + партизанского» имеют другое объяснение. «Партизан» в поиске по ОБД «Мемориал» обнимает и партизан из красноармейцев-окруженцев, и партизан, подготовленных в советском тылу и переброшенных за близкую линию фронта, и молодых солдат, призванных в РККА «из партизан», в числе которых они были во время вражеской оккупации родных мест, что в совокупности снижало присутствие уроженцев прифронтовых и тыловых регионов России в рядах советских партизан, действовавших в глубоком тылу врага.

Рис. 6. Индексы партизанской «производительности» макрорегионов рождения на послевоенной карте СССР: воинское звание «партизан»; красный – более 3 % общего числа советских партизан на 1 млн предвоенного населения, оранжевый – более 2 %, темно-желтый – 0,9 %, сиреневый – 0,35–0,4 %, желтый – 0,25–0,3 %, золотистый – 0,1–0,2 %, серый – 0,04–0,08 %

Рис. 7. Черно-белая гамма индексов безвозвратных (гибель) потерь советских регионов на послевоенной карте СССР. Желтая линия отделяет регионы, присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. и в 1944–1946 гг., белая – максимального продвижение линии фронта вглубь СССР, оранжевая линия отделяет регионы ближнего советского тыла, синяя – регионы глубокого тыла с массовой мобилизацией в РККА, начавшейся в 1941 г., в остальных регионах Средней Азии и Дальнего Востока массовые армейские мобилизации начались в 1942 г.

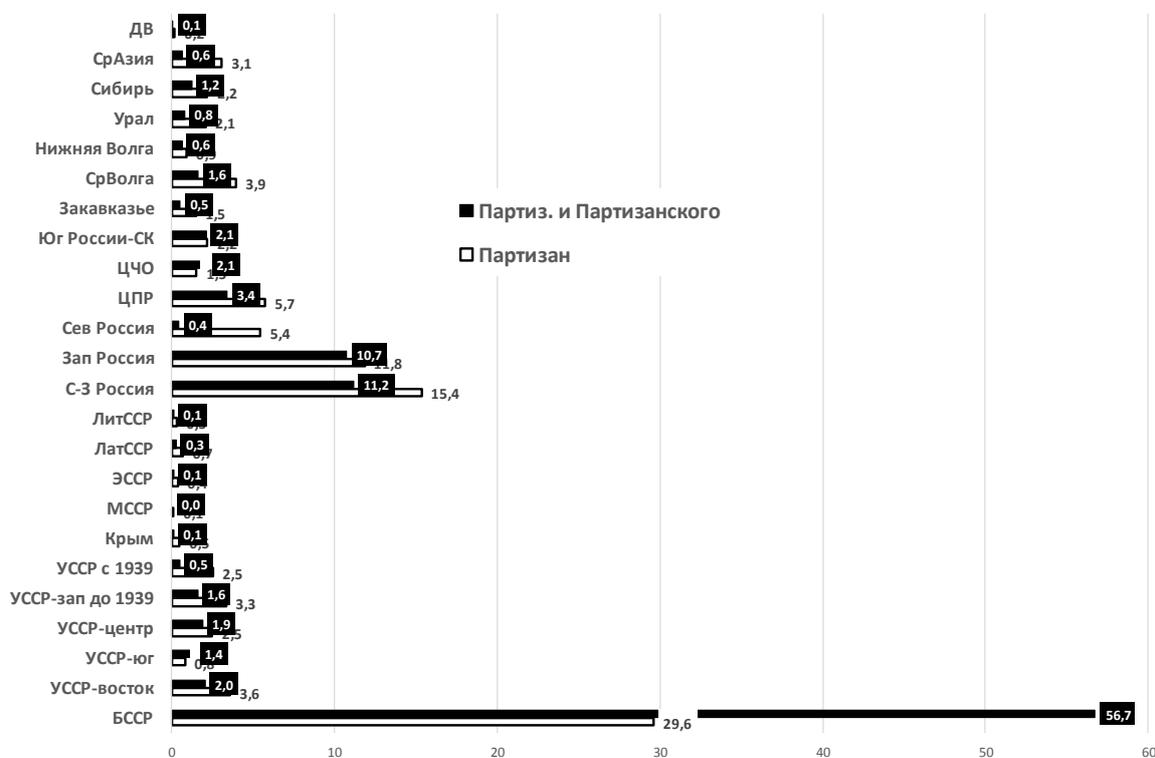

Рис. 8. Сравнение регионов рождения: воинское звание «партизан» и последнее место службы «партизан.» + партизанского»

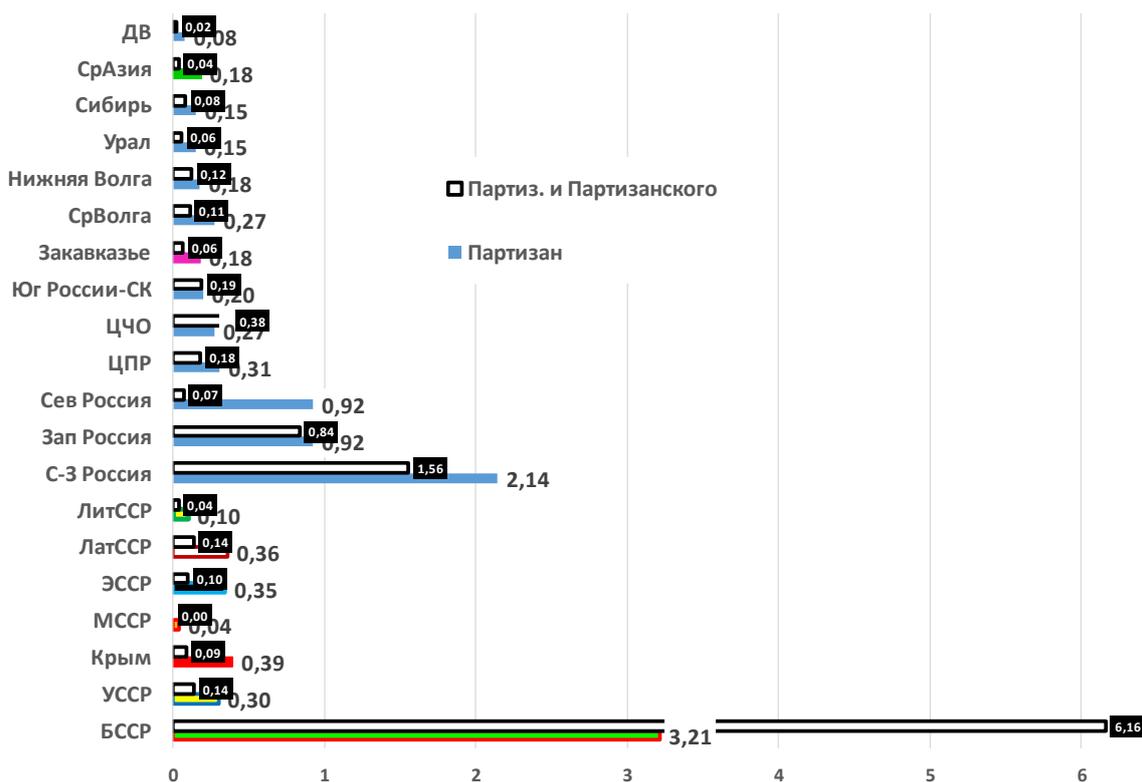

Рис. 9. Индексы партизанской «производительности» регионов рождения: воинское звание «партизан» и последнее место службы «партиз. + партизанского»

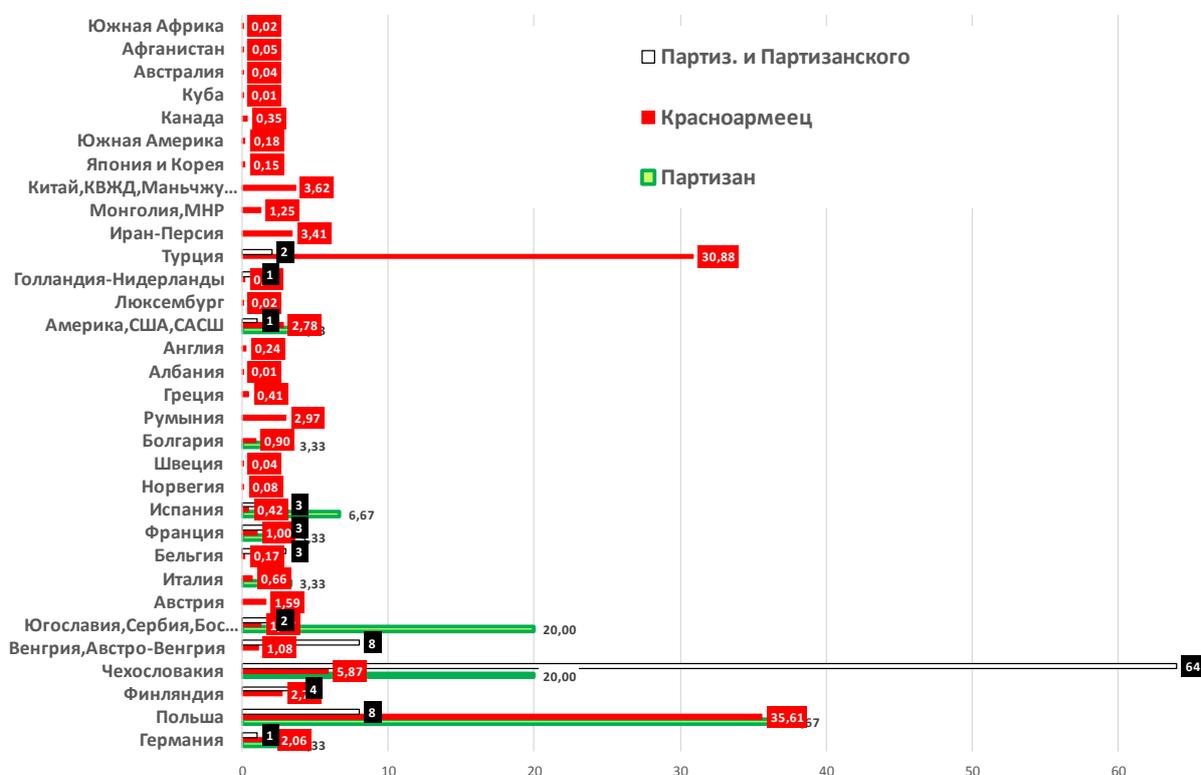

Рис. 10. Заграничные места рождения партизан и красноармейцев (% в числе родившихся за границей; РККА, воинское звание «партизан» и последнее место службы «партиз. + партизанского»)

Часть III. Социометрия довоенной жизни и военной судьбы советских партизан

Социальная структура

Наши главные массовые источники не обеспечивают репрезентативной информацией в части социального происхождения и предвоенного социального положения советских партизан 1941–1945 гг. БД «Подвиг народа» таких сведений не содержит даже в наградных листах, а в ОБД «Мемориал» данные о социальном происхождении/положении погибшего есть в части немецких документов о военнопленных. Но, по причине практически тотального истребления врагом плененных партизан, их всего 47 человек среди 3 млн учтенных «Мемориалом» советских военнопленных, а данные о персональном социальном движении имеются лишь у 5 человек. Полагаться на разрозненные и не всегда точные региональные партизанские биографии в избранном типе анализа тоже нельзя. Потому нам остается особенное (в силу тематической выборки) зеркало изменений состояний партизанской социальной структуры – 259 проверенных и подробных биографий партизан-Героев Советского Союза и Героев РФ.

И что же мы видим в этом героическом зеркале? Социальное происхождение партизан-Героев весьма адекватно, но с поправкой революцией 1917 г., отразило «сплюсненную», интегральную социальную картину страны в отрезке их рождений от 1858 г. до 1930 г. Две трети из крестьян, каждый шестой из индустриальных рабочих, дети железнодорожников, ремесленников, лиц «интеллигентных» профессий при общем разнообразии родительских занятий... Поправки на революцию 1917 г. и Гражданскую войну, на социальный перелом 1920–1930-х гг., на партизанскую «эквивинальность» замечательно заявили о себе отсутствием детей дворян-помещиков, «буржуев-капиталистов», священно- и церковнослужителей, царских офицеров при том, что среди остальных советских Героев мы таковых встречаем (табл. 1).

Социальное положение партизан-Героев как призма «моментального снимка» общества СССР накануне войны превосходно являет промежуточный итог межвоенного советского перелома-перехода, оставляя за ка-

дром чрезвычайное разнообразие индивидуальных жизненных путей тех, кто еще вечером 21 июня 1941 г. не знал, что станет их жизненным итогом и вершиной. Мы видим, как в 55 (!) раз рухнула «аграрная» доля, как в 12 раз упала суммарная доля несельскохозяйственных профессий низких квалификаций, как широко для активно лояльных граждан раскрылись двери социальных лифтов, возносивших на высокие этажи советских руководителей, инженеров, врачей, учителей, «красных» командиров, творческих профессий и тех же, немыслимых прежде, старшекласников и студентов. Учтем и то, что в этой маленькой партизанской «геройской» выборке представлены 19 национальностей от русских, украинцев и белорусов до вепсов, карачаевцев и бурят. И, наверное, поймем что-то важное в мотивации сопротивления врагу огромного большинства советских людей по обе стороны фронта (табл. 2).

Погибшие партизаны ОБД «Мемориал» (то есть, не Герои Советского Союза) дополняют и развивают социографию всей массы советских бойцов в тылу врага. Так, родившиеся в городах составляют в среднем 4,5 % в сумме трех категорий поиска («партизан», «партиз.» и «партизанского»). Если учесть, что в остальных группах повышенной советской активности, представленных в данной БД – «передан гестапо» и «доброволец» – уроженцы городов (как принципиально более «советские» по сравнению с сельскими уроженцами) составляют соответственно 24,5 и 29,2 %, а среди всех Героев Советского Союза периода Второй мировой войны – 16,5 %, то партизан следует признать чрезвычайно мотивированными советскими патриотами.

Красноречивым штрихом к портрету врага и картине сопротивления нашего народа его планам и действиям выступает высокая доля гражданских лиц среди погибших советских партизан – 60,6 % в среднем. В красноармейском сегменте партизан показательна повышенная средняя доля офицеров как цементирующего ядра противостояния врагу в его тылу (19,34 %), в 1,5 раза большая средней «офицерской доли» в сумме остальных советских военнослужащих (13 %).

Таблица 1

Социальное происхождение советских партизан-Героев

Социальное происхождение (род занятий отца)	%
Крестьянин, батрак	63,7
Рабочий завода, фабрики; шахтер	15,8
Служащий, учитель, агроном, адвокат, врач	12,0
Железнодорожник	4,63
Рыбак, лесоруб, кузнец, сапожник, портной	2,7
Военнослужащий	0,77
Неопределенные городские низы	0,39

Таблица 2

Социальное положение советских партизан-Героев

Социальное положение (род занятий) на 21 июня 1941 г.	%
Советский партийный, комсомольский работник, хозяйственный руководитель	25,1
Офицер Красной Армии	14,7
Школьник, студент, воспитанник детского дома	12,0
Сотрудник НКВД, органов госбезопасности	11,6
Красноармеец, младший командир Красной Армии	10,4
Школьный работник: директор, учитель, комсорг, пионервожатая	6,18
Рабочий завода, фабрики, МТС, строитель, кузнец	4,25
Профессия, требующая специального среднего образования: бухгалтер, медсестра, техник и т. д.	3,86
Железнодорожник (машинист, проводник, начальник станции)	3,09
Инженер, архитектор	3,09
Рыбак, работник столовой, санитарка	1,16
Шахтер	1,16
Врач	1,16
Колхозник	1,16
Юрист, преподаватель вуза	0,77
Актер-режиссер	0,39

Бóльшие, чем у партизан, доли офицеров имели лишь такие особые малые и заслуживающие отдельного разговора группы повышенной советской активности, как упомянутые «переданные гестапо» (76,2 %), «добровольцы» (22,2 %) и военнослужащие, бежавшие из плена (57 %) ⁴ (рис. 12).

⁴ Для внимательных читателей отдельного пояснения требуют высокая – 25,3 % – доля офицеров в крохотной (2725 человек – 0,01 % из 23 млн 850 тыс. военнослужащих, представленных на рис. 12) изменнической совокупности «предатель + перешел на сторону врага + сотрудничал с врагом», и еще большая – 31,8 % – среди 40,5 тыс. военных фигурантов группы «иная причина смерти». В случае с изменниками Родины и коллаборантами повышенную среднюю офицерскую долю обеспечил намеренный отбор пленных советских офицеров в немецких лагерях для формирования частей Вермахта вроде легиона «Идель-Урал», которые и составили категорию «предатель». В категории «иная причина смерти» доля офицеров поднята за счет самоубийств в трагических боевых обстоятельствах, а также умножения всяческих несчастных случаев (аварии, неосторожное обращение с оружием, убийства

Немало показательного мы найдем и внутри партизанского офицерского сегмента. Первое – среди партизан-офицеров было 27,9 % армейских политработников в званиях политрук и комиссар, в то время как в остальных командирах РККА их было в среднем в три с лишним раза меньше (8,6 %), а в изменническом офицерском сегменте предателей-политработников набралось всего на 0,145 %. В совокупности такое сопоставление говорит и о повышенной опасности партизанской борьбы, и о направленности политической работы власти с армейскими кадрами, и о явной эффективности этих усилий, раз предательства в рядах коммунистов было почти в 200 раз меньше, чем их героической работы в небывало смертельных условиях (рис. 13).

и самоубийства по «небоевым» мотивам, отравления и т. п.) на победном этапе войны и в первые месяцы после Победы.

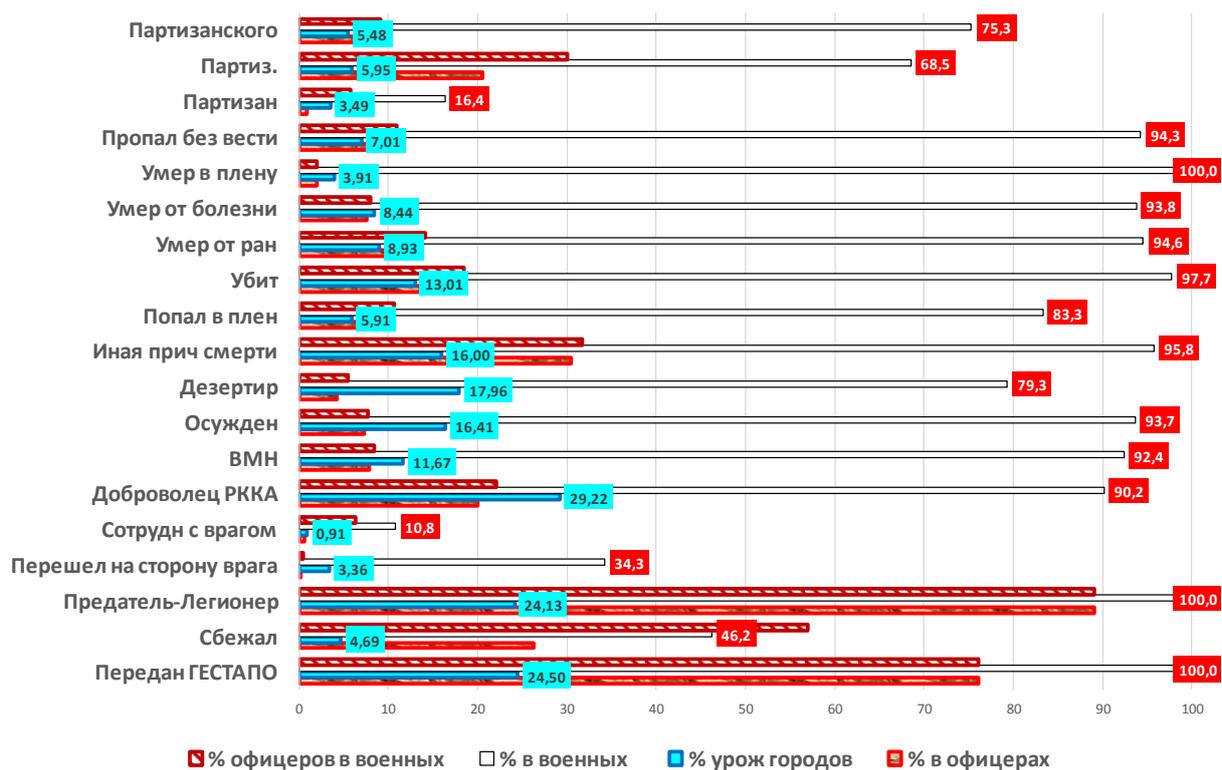

Рис. 12. Отдельные сравнительные социальные характеристики (доли родившихся в городах, военнослужащих, офицеров) различных категорий выбывших (погибших) советских участников Великой Отечественной войны; ОБД «Мемориал»

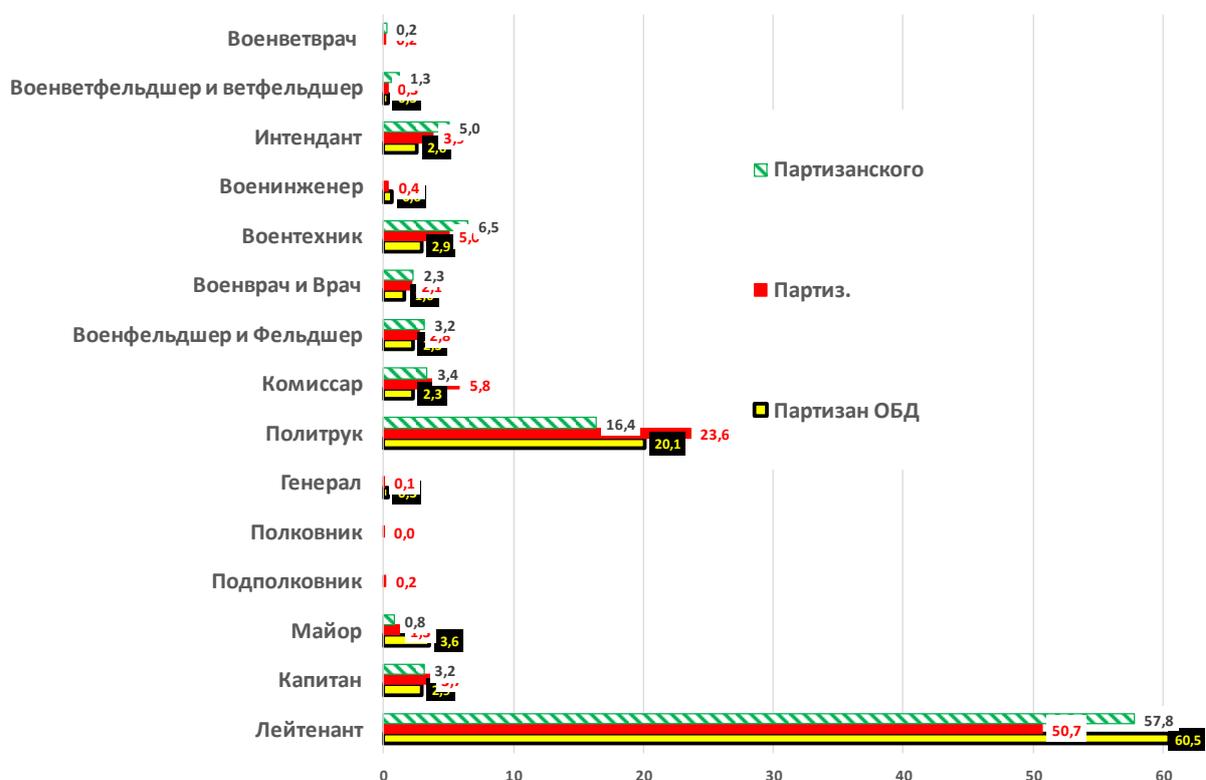

Рис. 13. Сравнительная структура офицерского сегмента советских партизан

Из-за разной степени живучести на линии фронта бойцов разных специальностей и особенностей действий в тылу врага у офицеров-партизан была повышена и доля всяческих «технарей» (воентехники, техники-интенданты, военинженеры) – 9,3 %, хотя преимущество уже не было столь разительным, как в случае с политработниками – по 5,8 % у остальных командиров РККА и в группе офицеров-изменников.

Медиков у партизан было в 2 раза больше, чем в остальной РККА – 5,5 % против 2,8 %, но заметно меньше, чем «человеческих» и ветеринарных врачей и фельдшеров оказалось среди предателей (8,6 %), что отразило разделение этой многосоставной социальной группы по жизненному выбору в отечественной войне.

По закону «сохранения социального вещества» первенство партизан по политработникам, «технарям» и медикам обернулось заметно меньшей долей лейтенантов – неизменно большинства офицерского корпуса как среди мертвых, так и среди уцелевших – всего 52,2 % против 73,9 % у остальных советских офицеров, включая каплю предателей с ее лейтенантскими 79,4 % (характерно, что среди советских офицеров, бежавших из плена, лейтенанты составили максимальные 87,9 %). Данному перекоосу помогла повышенная уязвимость младших офицеров на фронте, в боях в окружении – многие из них погибали раньше своих подчиненных с солдатскими и сержантскими петлицами и погонами. В массовых категориях безвозвратных потерь «убит» и «умер от ран» лейтенанты в погибших офицерах составляют 81,9 и 78,5 % соответственно.

Национальный состав

Мы уже говорили о 19-ти национальностях, представленных в партизанах-Героях. Но на рис. 14, иллюстрирующем национальную структуру этой выборки, внимательный и знающий взгляд зацепится за некоторые несоответствия привычным представлениям о партизанском «интернационале».

Русские «правильно» на 1-м месте, но в доле меньше 44 % при том, что на всех остальных срезах войны – от мобилизованных в РККА, погибших в разное время, в разных местах и от разных причин до героев-победителей их неизменно около ¾.

Украинцы с белорусами, вроде бы, «правильно» на 2-м и 3-м местах, но мы уже показали, как неожиданно слаба оказалась Украина в качестве макрорегиона рождения советских партизан, и как, наоборот, преуспела в производстве партизан в 5 раз меньшая по населению Белоруссия.

Литовцы с наиболее выраженной анти-советской, пронацистской составляющей большинства их участников Второй мировой войны среди партизан-Героев идут вслед за восточными славянами, да и геройские доли остальных прибалтов явно выше их долей в предвоенном населении СССР. Но среди регионов рождения погибших партизан вся советская Прибалтика занимает 0,18 %, обняв этой крохотной долей не только литовцев, латышей и эстонцев.

Удивляет несоразмерная доля карачаевцев, непривычно заметное присутствие среди советских Героев немцев и национальностей из стран-союзников нацистской Германии – Словакии и Болгарии (рис. 14).

Национальная структура выборки из 1900 наших партизан, награжденных советскими орденами и медалями (БД «Подвиг народа»), помогает разрешить недоумение. В этой всемеро большей выборке (помимо понятного расширения национального спектра до 23 народов) национальная структура награжденных партизан корректируется до реального представительства разных народов в советской партизанской борьбе: доля русских поднимается до 72 %, украинцы и белорусы приходят в более точный баланс, присутствие прибалтов и небольших народов сокращается, этнические немцы, словаки и болгары исчезают, а недооцененные в Героях татары и евреи справедливо подрастают в своих долях. Такая коррекция говорит о присутствии негласного и растянутого на 50 лет после войны политического заказа в представлении партизан к высшей советской степени отличия – званию Героя Советского Союза, а также к нынешнему высшему званию РФ – Герой России. На этапе СССР в этом заказе очевидно звучало идеологическое требование дать в рядах Героев-партизан побольше мест представителям «титультных» народов союзных республик с несоветской доминантой в поведении их населения в годы войны (ЭстССР, ЛатССР, ЛитССР, Центр и Запад УССР). Постсоветское время

привнесло в награждение героев войны случайные извинения за сталинские депортации отдельных народов, что в партизанском случае обеспечило за карачаевцами 4 из 9 присвоений звания Героя России (рис. 15).

Самое точное отражение реальной национальной структуры бойцов в тылу врага дает сводный анализ списков 49 тыс. погибших партизан с поиском по категориям «партизан», «партиз.» и «партизанского» ОБД «Мемориал». В результате мы получаем: 1) расширение национального представительства за счет появления в партизанском «зеркале» армян, казахов, таджиков, мордвин, осетин, дагестанцев, крымских татар, венгров, чехов, русин, француз, бельгийцев, испанцев⁵; 2) увеличение суммарной восточнославянской доли до 96 %, а внутри нее рост русской и белорусской частей с достижением перевеса белорусов над украинцами; 3) справедливый рост долей татар и поляков, недооцененных в наградных списках.

Наши партизаны – часть комплекса активного советского патриотического поведения, и мы можем проследить движение его «нерусской» составляющей на шкале лет рождений «активистов» военного периода в двух их объединениях (рис. 16). В агрегации соотношение активного анти- и советского поведения «нерусских» (не восточнославянских) граждан СССР выглядело как 2:1, но синхронное движение нерусских «антисоветчиков»-националистов и советских патриотов-интернационалистов выглядело сложнее. Антисоветско-националистическая доля менялась замечательно волнообразно, «правильно» достигнув 80 % максимума в когорте, родившейся в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 гг.)⁶. Но на

⁵ В политико-психологическом отношении показательно практическое отсутствие молдаван – 4 человека на 49 тыс. партизан ОБД «Мемориал» и из почти 2 млн человек в СССР на 1941 г., менее 0,01 % – при развитом партизанском движении в Молдавской ССР за счет русских, украинцев, белорусов и евреев. Факторами данного «парадокса» и худшего для крупного народа результата в сопротивлении оккупантам стали: 1) эвакуация в 1941 г. значительной части просоветских молдаван в тыл (300 тыс. человек) и мобилизация лета 1941 г. молдаван-призывников в РККА с гибелью значительной части их на фронте; 2) образование Транснистрии как губернаторства Румынии при господстве антисоветских, прорумынских, коллаборационистских настроений большинства молдаван.

⁶ Подробнее о движении российской социальной агрессии в конце XIX – первой четверти XX в. см.: [7; 8].

двух концах отрезка рождений наших активистов националистическое и антисоветское в их поступках уступало советскому патриотизму. Немногие нерусские, родившиеся в 1885–1893 гг., свой «красный» выбор, проверенный в 1941–1945 гг., сделали взрослыми еще в пору революции 1917 г. и Гражданской войны, а «советский скачок» у юных нерусских 1925–1928 гг. рождения был уже плодом действительного успеха советского проекта, включая предложенные молодым возможности и мощь коммунистической индоктринации даже в непростой неславянской среде.

Соотношения отдельных национальных долей активного антисоветско-коллаборационистского (маркеры «предатель», «перешел на сторону врага», «сотрудничал с врагом») и активного советско-патриотического поведения (маркеры «передан гестапо», «сбежал из плена») среди советских военнопленных представлены на рис. 17.

Баланс в пользу активного сопротивления врагу даже в смертельных условиях плена (дробь «коллаборационизм»/«сопротивление» меньше 1) сложился в трех национальностях красноармейцев: евреи (нулевой коллаборационизм), русские (0,52) и советские немцы (0,88). Наиболее склонными к коллаборационизму (дроби от 50 до 10) оказались пленные красноармейцы из эстонцев, финнов, калмыков, литовцев, киргизов, азербайджанцев, латышей, северо-кавказцев, татар Сибири и Средней Азии. Менее «предательски» (дробь от 8,4 до 1,1) вели себя во вражеском плену казахи, узбеки, таджики, грузины, крымские татары, туркмены, поволжские татары, армяне, совокупность «малых народов» Поволжья и Сибири, украинцы и белорусы. Небольшой (дробь 1,14), но неожиданный и досадный перевес в пользу коллаборационизма среди военнопленных белорусов обеспечили уроженцы западных областей БССР, вошедших в состав СССР осенью 1939 г. И наоборот – среди белорусских советских партизан как самого крупного сегмента борцов с оккупантами уроженцы присоединенных к БССР областей составили менее 5 %, свидетельствуя о меньшем дореволюционном пребывании их регионов в составе России и краткости довоенной советской «обработки».

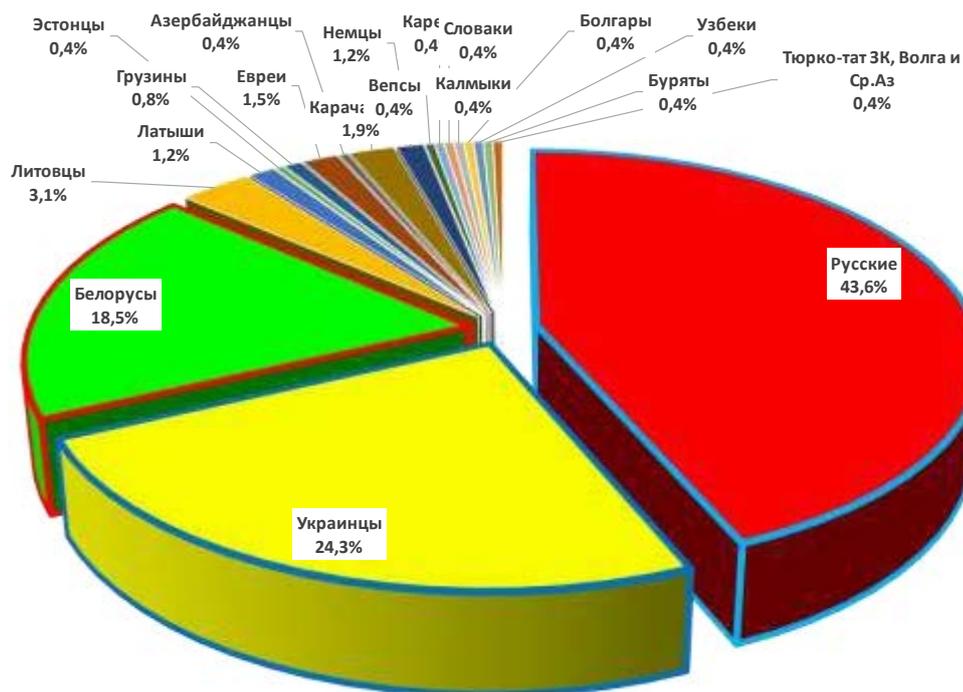

Рис. 14. Национальная структура партизан-Героев

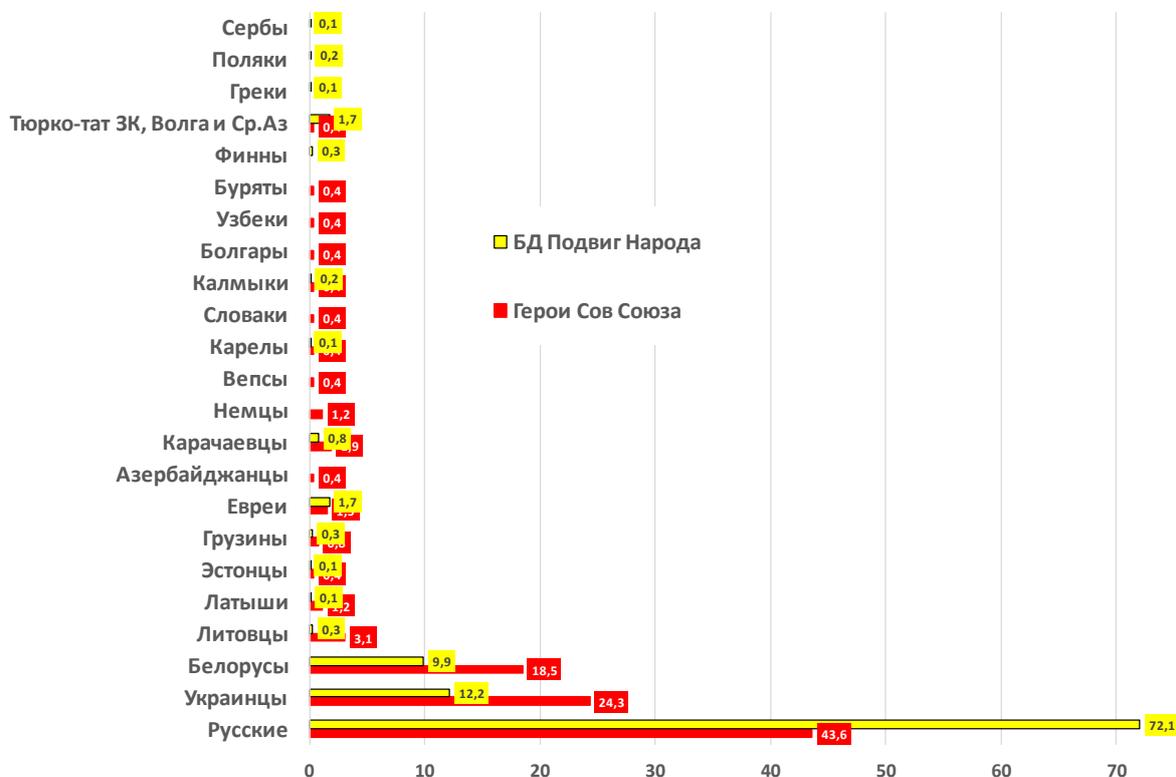

Рис. 15. Сравнительные национальные структуры партизан-Героев и остальных награжденных партизан

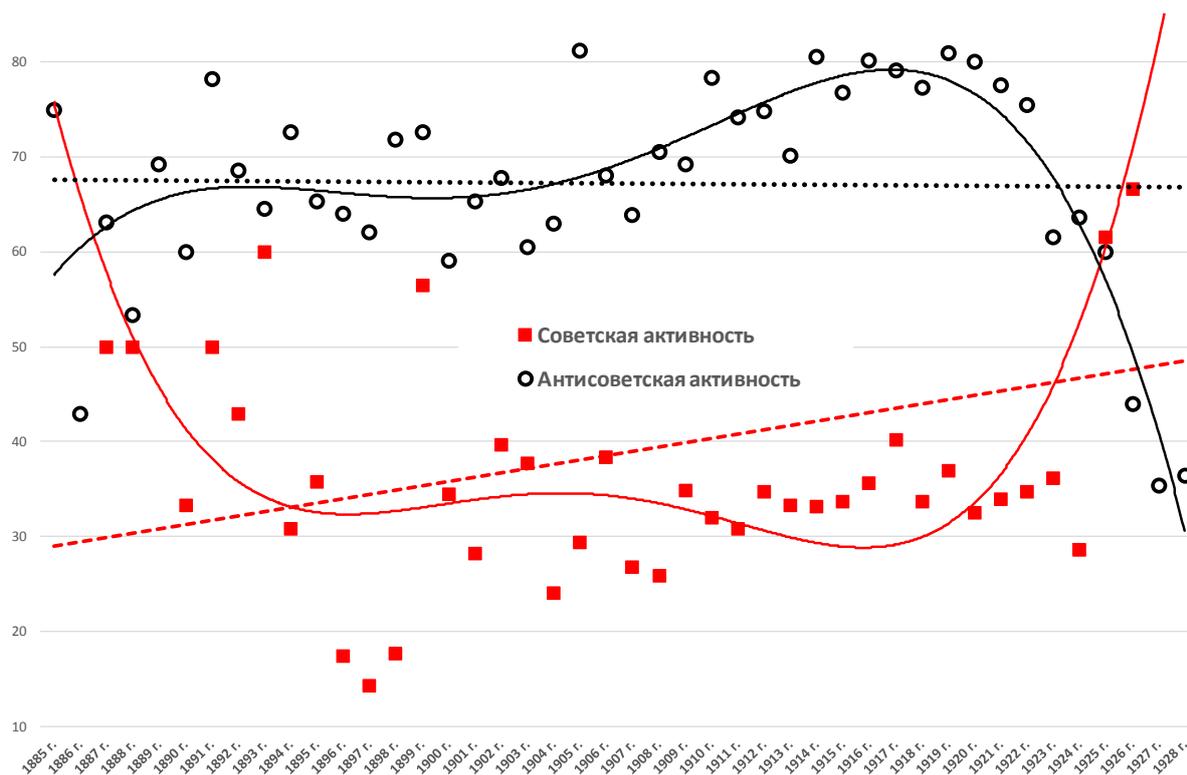

Рис. 16. Динамика долей (%) «нерусских» (кроме восточных славян) в «советском» и «анти-советском» поведении советских военнослужащих в 1941–1945 гг.

Рис. 17. Национальный состав актива советских военнопленных

Сохраняя предложенный способ подсчета, мы можем (лишь развернув соотношение на «советский/антисоветский», пополнив явление «активизма» новыми маркерами и перейдя с долей на абсолютные значения) оценить баланс типов активного поведения в войну, распространив его на регионы рождения как военнослужащих, так и остальных советских граждан. В таком подходе резкое преобладание советского патриотического поведения обнаружат уроженцы русских областей РСФСР (с лучшим показателем у Тамбовской области), за ними со снижением последуют уроженцы БССР, УССР (в агрегации областей, но с внутренним падением от Востока и Новороссии к Западу), Крыма, национальных автономий Поволжья и Урала.

Республика Немцев Поволжья зафиксировывает равновесие, еще раз доказав необоснованность превентивной высылки поволжских немцев и поражения их в красноармейских правах.

Все остальные союзные республики, национальные автономии Северного Кавказа демонстрируют в своих уроженцах преобладание антисоветского активизма – от скромного (до 1,4 раза) в Казахстане, Молдавии, Литве до многократного в Эстонии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Киргизии, Таджикистане.

И все же не забудем, что мы сравниваем лишь активистские сегменты, не превышающие, по нашим наблюдениям, 1/7 любой популяции, и потому «просто» честная работа всех остальных в советском тылу и на фронте, «просто» несотрудничество с оккупантами и их пособниками, «просто» саботаж, невыполнение их решений как пассивное сопротивление большинства населения, соединившись с героизмом, активным советским патриотизмом и оборонными усилиями государства, обеспечили победу многонационального СССР на нацистской Германии и ее союзниками.

Время призыва в РККА, место, время гибели и причины выбытия

Анализ красноармейской части советских бойцов во вражеском тылу говорит, что 96,3 % партизан из красноармейцев оказались в РККА лишь в ходе войны и только 3,7 % были «кадровыми» военными, призванными в 1918–1940 гг. (рис. 18).

Самыми губительными для партизан стали 1943 г. и 1944 г. – период крупнейших партизанских операций и столь же значительных карательных акций оккупантов и их националистических пособников. По годам, месяцам и дням гибели партизаны принципиально отличаются от времени смерти наших бойцов на фронте, у которых высшие индексы дневных потерь обеспечили 1941 г. и 1942 г., третье смертное место сложилось у 129 военных дней 1945 г., а 1944 г. был самым щадящим для гибели на фронте.

Огромное большинство партизан (98 %), представленных в ОБД «Мемориал», погибли в СССР, в его оккупированных регионах. Незначительная часть раненых и больных партизан умерли после эвакуации их в тыловые госпитали (рис. 19). Доли гибели советских партизан (из числа красноармейцев, бежавших из плена) в зарубежных регионах объективно отражают уровни антифашистского Сопротивления в разных европейских странах, а также советское победное наступление с востока, в ряды которого вливались (по мере освобождения родных мест и призыва в РККА) тысячи молодых партизан. Поэтому в структуре регионов гибели советских партизан за границей первые четыре места «с отрывом» заняли Чехословакия (по преимуществу ее словацкая часть), Италия, Польша и Югославия. Совокупная доля остальных стран как мест гибели наших партизан (Германия, Бельгия, Венгрия, Финляндия, Франция, Австрия) составит всего 9 %.

Структура причин выбытия партизан из строя заметно отличается от структуры общих безвозвратных красноармейских потерь. С одной стороны, у партизан в любой категории поиска по нашим БД выше доля гибели как причины выбытия – в среднем 91,5 % безвозвратных потерь при 88,2 % в РККА, что говорит о меньшей общей выживаемости в условиях борьбы в тылу врага (рис. 20).

По конкретным причинам выбытия из строя у партизан в силу тех же особенностей боевых действий в 3 раза меньше пропавших без вести, в 2 раза меньше умерших от ран и болезней, в 3 раза меньше как погибших, так и выживших в плену, освобожденных из плена (партизаны, захваченные противником, почти всегда уничтожались) (рис. 21). А вот совокупная доля (пусть и очень малая – 3,2 % безвозвратных потерь) дезертиров и

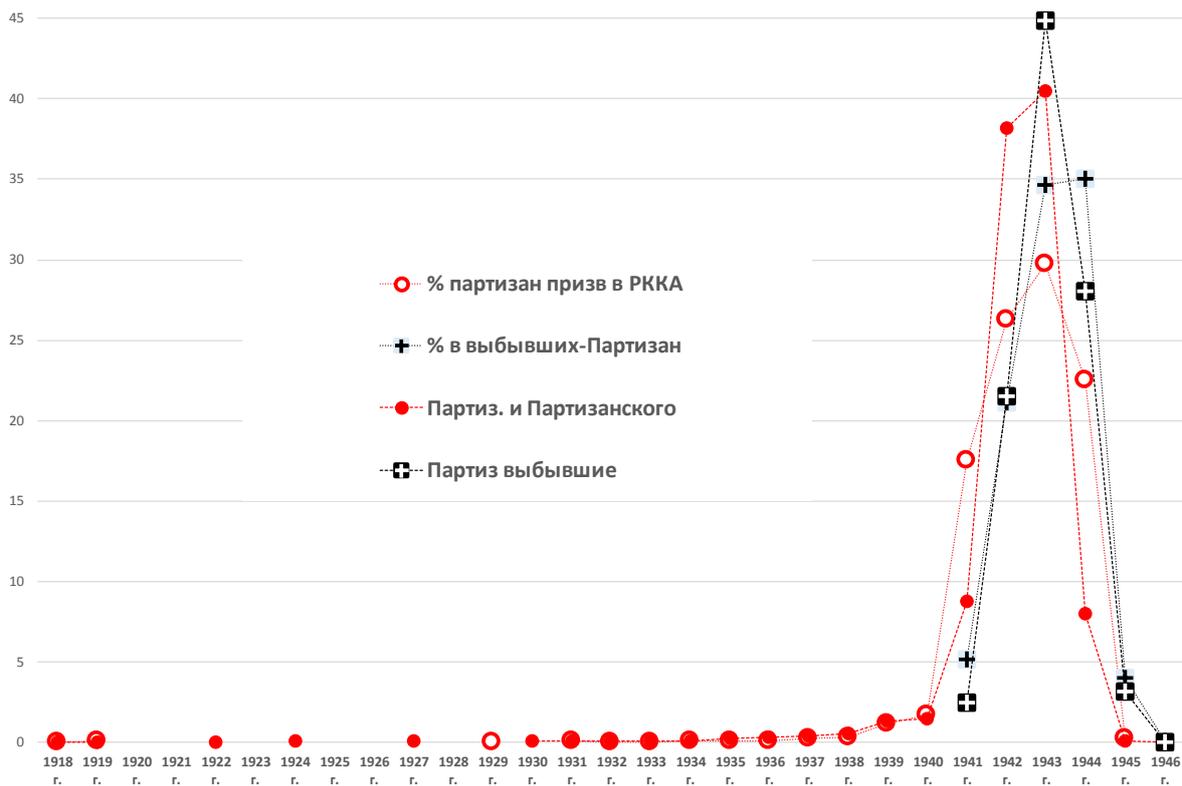

Рис. 18. Год призыва в РККА и год гибели партизан: воинское звание «партизан» и последнее место службы «партиз.»+«партизанского», % года

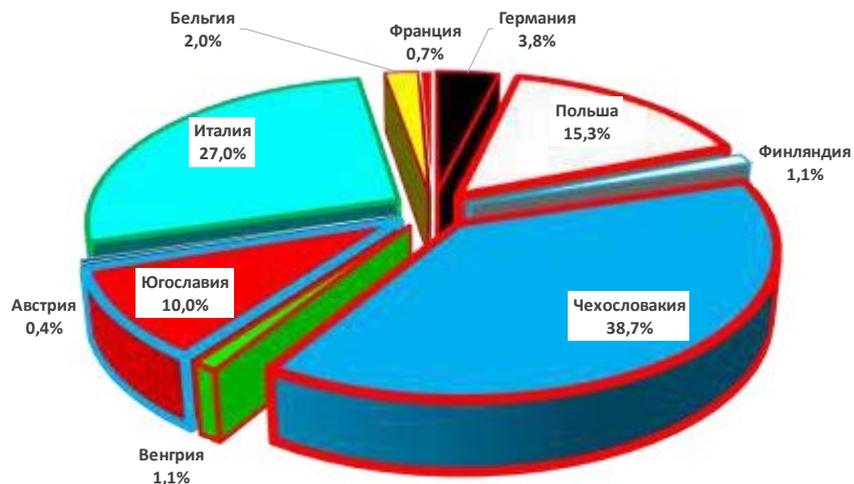

Рис. 19. Страна гибели партизан (% из числа погибших за границей); воинское звание «партизан»

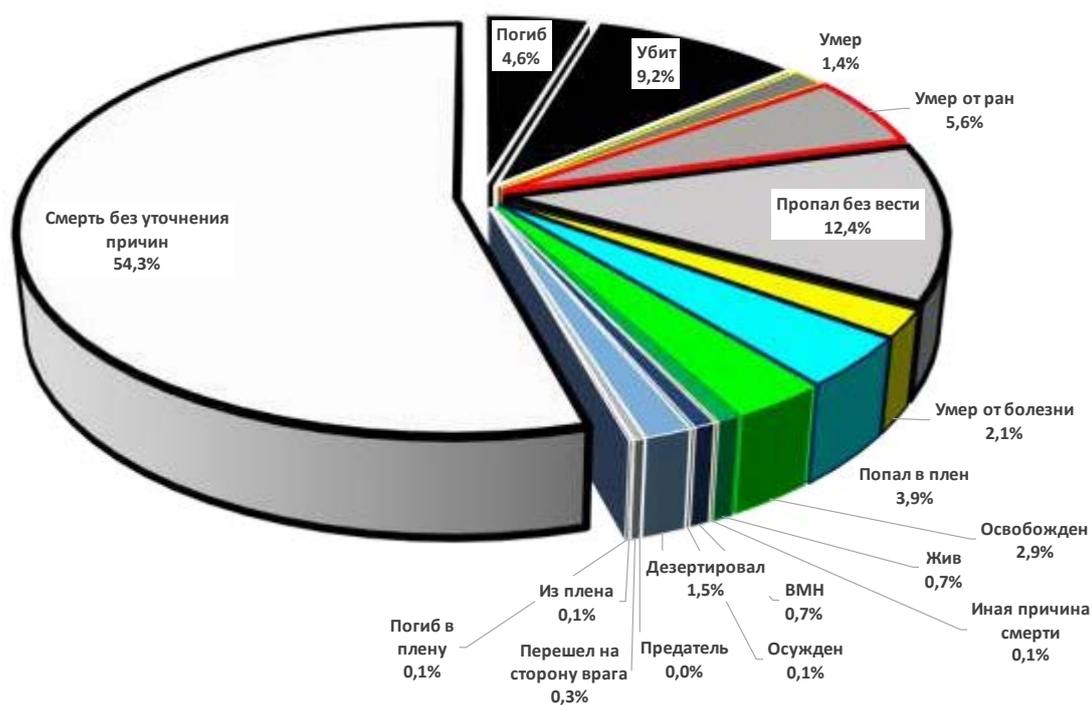

Рис. 20. Структура причин выбытия (воинское звание «партизан»)

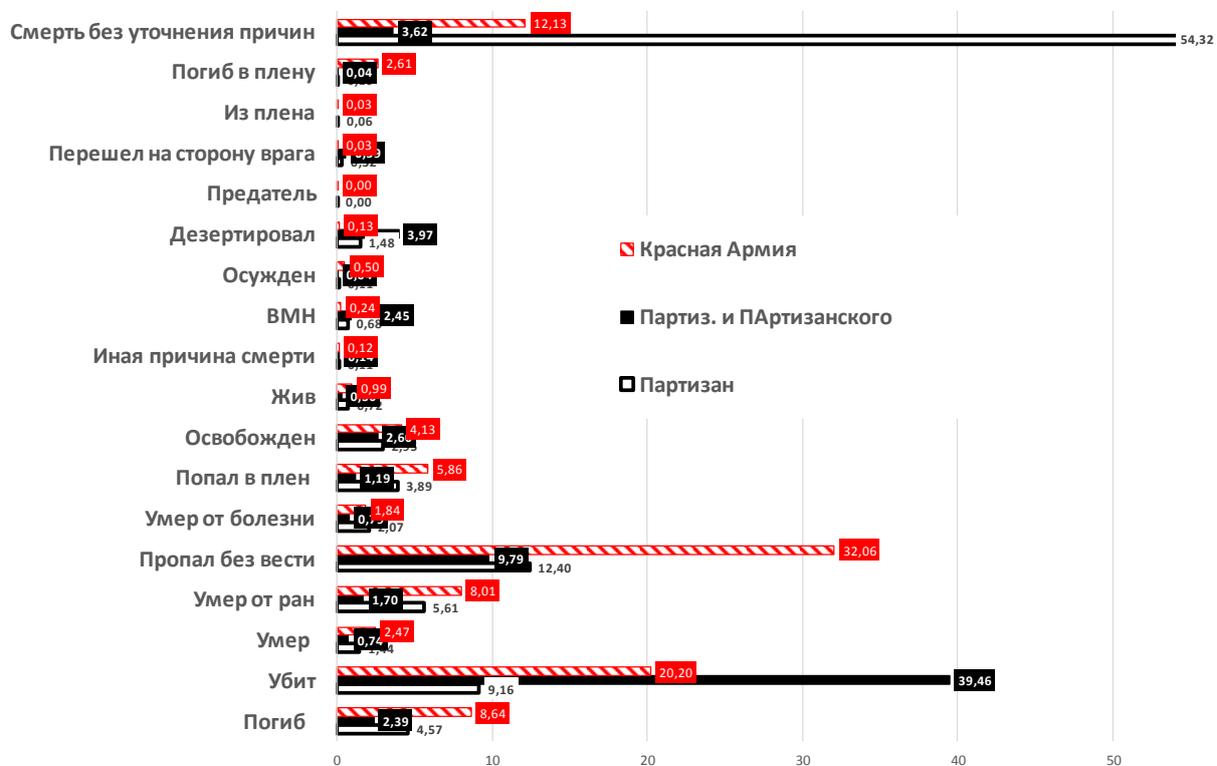

Рис. 21. Сравнительная структура причин выбытия: РККА, воинское звание «партизан» и последнее место службы «партиз.» + «партизанского»

перешедших на сторону врага у партизан была в 20 раз большей, чем в действующей РККА (0,16 %). Правда, и расплата за измену в партизанской среде была намного беспощадней – высшую меру наказания (расстрел или повешение) партизаны применяли в 6 раз чаще, чем армейские трибуналы. Среди казненных ими почти тысячи предателей были не только мужчины в красноармейской форме, но и немало гражданских молодых женщин с приговорами: «за измену Родине», «за связь с карательным отрядом», «за распространение немецких листовок», «за предательство», «за подготовку перехода мужа в полицию», «за мародерство и бытовое разложение», «за дезертирство», «повешена бригадой за шпионаж», «расстреляна как опасный для Советской власти элемент», «как тайный агент вражеской полиции», «как тайный шпион гестапо», «жена добровольно сдавшегося в плен, шпионила в пользу немцев», «убит как предатель». Наши БД насчитывают 30 партизанок с «ВМН» – 3,13 % такого типа выбытия из строя, чтократно меньше доли женщин среди партизан, но в 25 раз больше доли расстрелянных женщин в числе красноармейцев, приговоренных к высшей мере наказания.

Часть IV. Сравнительная антропологические и антропонимические характеристики советского активизма в годы Второй мировой войны

Продолжительность жизни советских людей, переживших войну в рядах РККА, и антропометрия красноармейцев

Наша историчная методика обработки информации БД позволяет вскрывать и прежде недоступные исследователям фрагменты коллективного социального портрета советских бойцов.

Так, отслеживание по годам рождения фигурантов средней продолжительности жизни переживших войну: а) Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы (10500 человек) и б) остальных выдающихся советских деятелей (12 тыс. человек в первичной выборке) дает совершенно замечательный и для кого-то неожиданный результат. Продолжительность жизни невоенных деятелей (хотя нередко и бывших участниками войны, но по происхождению в

большей мере из недеревенских «благополучных» семей) модернистки «правильно» растет с 68 лет для родившихся в 1890 г. до 76 лет для родившихся в 1926 г.

Но советские герои войны (включая партизан) демонстрируют обратный тренд – средних 73 года жизни в начале отрезка рождений и – после непрерывного спада – на 13 (!) лет меньше для встретивших Победу 19-летними, с образованием «ножниц» в 16 с лишним лет жизни в общей когорте 1926 г. рождения, разделившейся на будущих великих ученых, хозяйственников, деятелей культуры и спорта в одной линии жизни и состоявшихся (очень скоро!) в качестве великих Героев войны – в другой.

Это – редкое по надежности и наглядности доказательство воздействия на витальность всяческих военных, голодных и эпидемических стрессов на этапах зачатия, рождения и младенчества будущих советских героев Второй мировой войны, ударов по их детству и отрочеству голодовками, миграциями, репрессиями межвоенного периода и, конечно, небывалой физической и психологической травмы активного, фронтового участия в Великой Отечественной войне (рис. 22, 23).

Антропометрия советских участников Второй мировой войны также радует открытиями.

Во-первых, сокрушая надежды на модернистскую «акселерацию», движение среднего роста в любых категориях красноармейцев не демонстрирует «логически» ожидаемого восходящего линейного тренда. Вместо него – волна, продиктованная, как и многое другое в жизни и смерти традиционных и модернистских популяций, 28-летним природно-демографическим циклом (см.: [4]). Будущие самые высокие бойцы рождались в 7-летиях 1885–1891 гг. и 1913–1919 гг. с максимальными значениями для соответственно наиболее активных когорт 1888–1889 гг. и 1916–1917 гг. рождения. Самые низкорослые красноармейцы рождались на стыке XIX–XX веков (рис. 24, 25).

Конечно, на понижение роста работало попадание рождения и младенчества будущего солдата на конкретные годы и места с резким ухудшением жизненных условий – голодовки 1891–1892, 1898, 1905–0906 гг., конкретное воздействие Первой мировой войны, смертного синергизма Гражданской

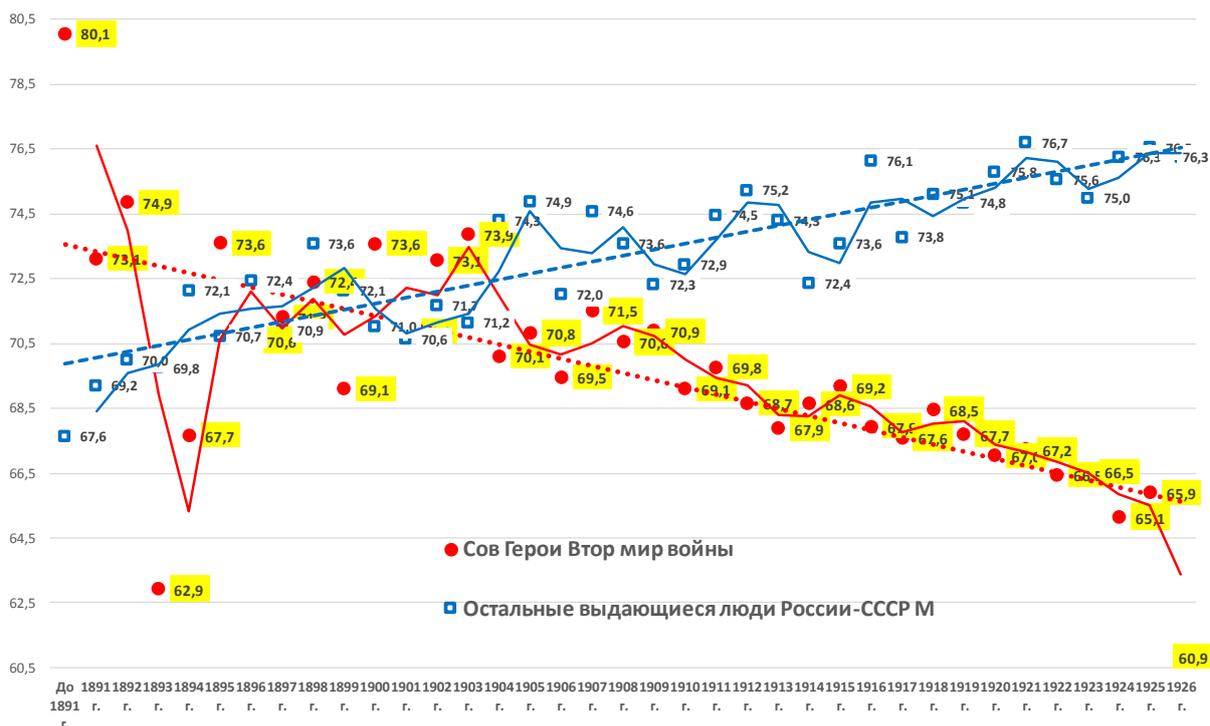

Рис. 22. Сравнительное движение средней продолжительности жизни советских героев Второй мировой войны (10,5 тыс. человек) и остальных выдающихся уроженцев Российской империи – СССР (3 тыс. человек); мужчины 1890–1926 гг. рождения

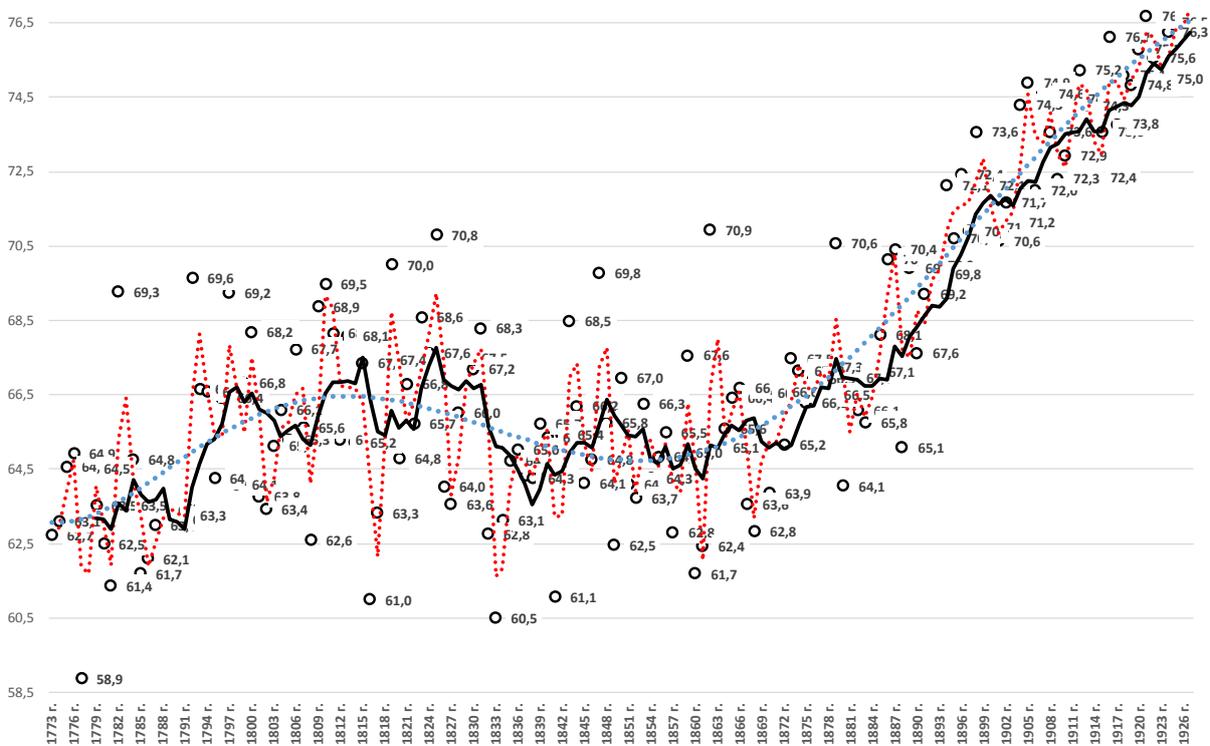

Рис. 23. Движение средней продолжительности жизни выдающихся уроженцев Российской империи – СССР (кроме героев Второй мировой войны; мужчины 1773–1926 гг. рождения; выборка 6 тыс. человек)

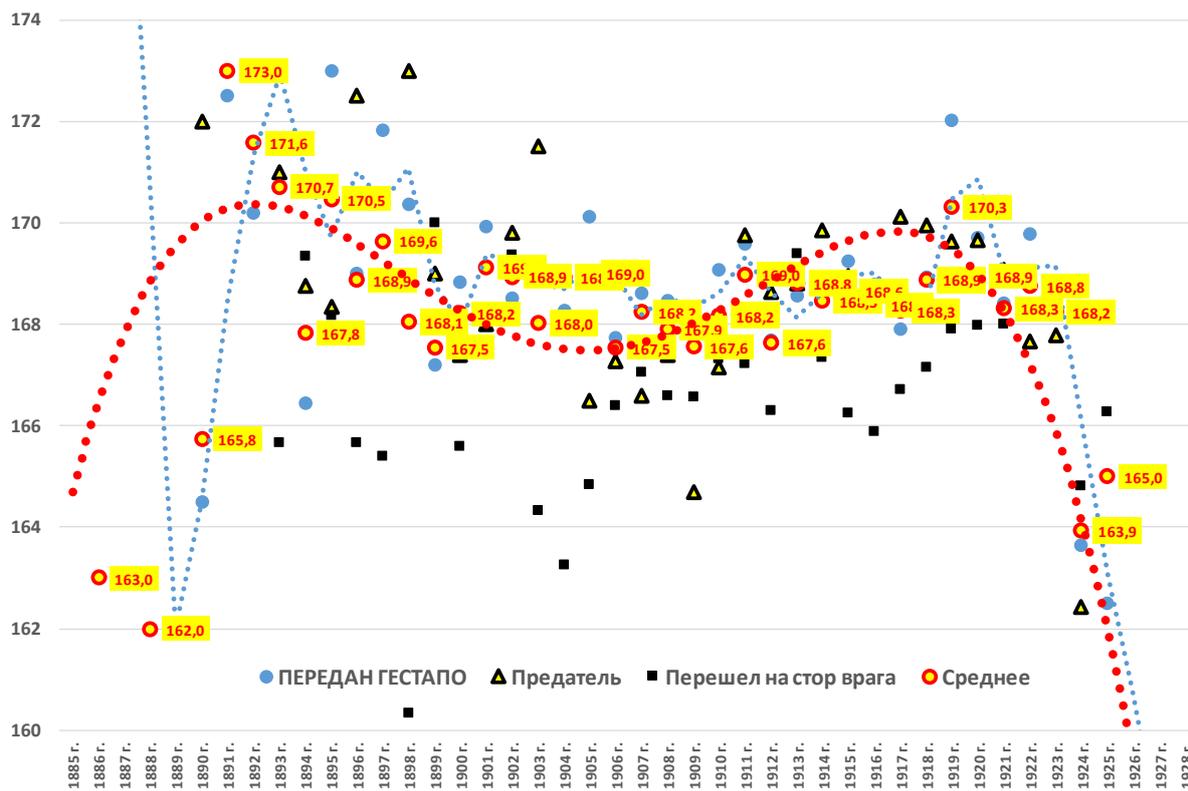

Рис. 24. Движение среднего роста патриотического и антисоветского актива советских военнопленных

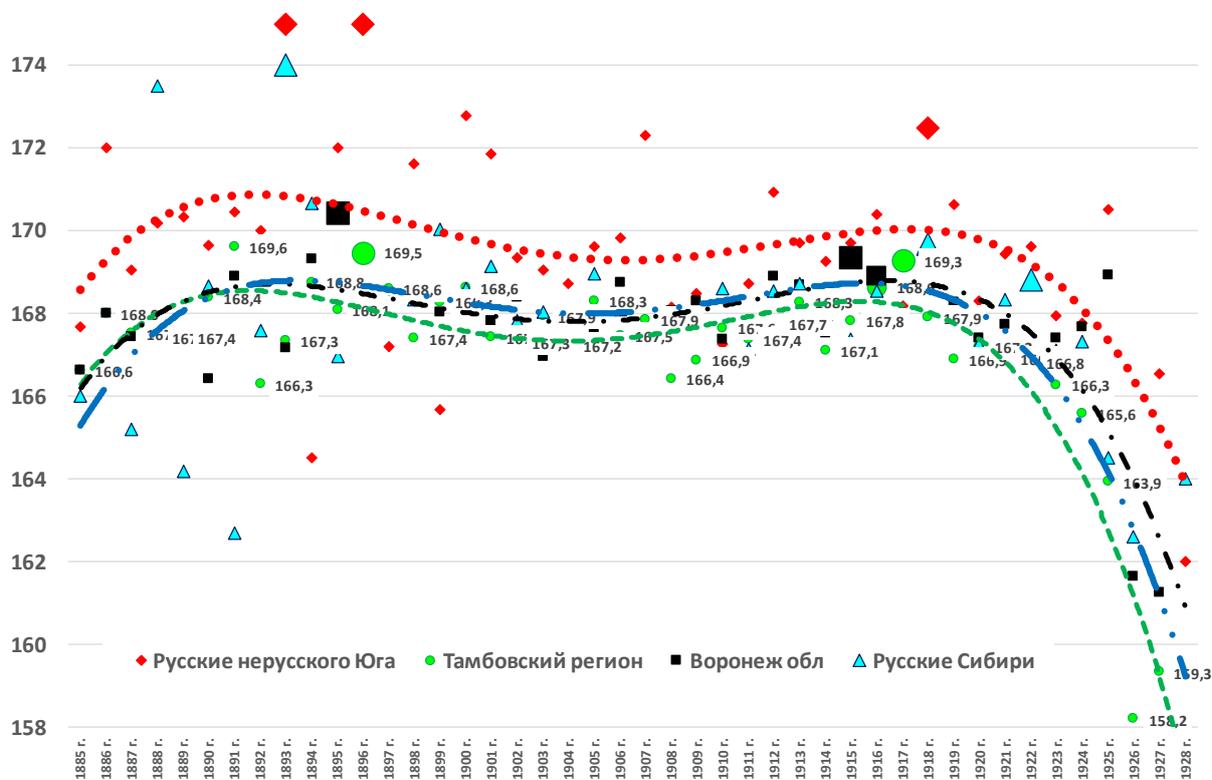

Рис. 25. Динамика среднего роста русских советских военнослужащих периода ВОВ (русские уроженцы Центрального Черноземья, Сибири, Кавказа, Средней Азии)

войны, голода 1922 г. Заметно влияла и географическая широта места рождения и взросления – славянские бойцы из северных регионов России были в среднем на 7 см ниже их русских однополчан с Кубани и Ставрополя. В перенаселенных сельских субрегионах антропометрию «портил» неизбежный инбридинг, в местах концентрации иммигрантов из разных популяций средний рост уроженцев неизменно «подпрыгивал».

Но самое мощное отрицательное воздействие на антропометрию советского бойца (тем более партизан) оказал смертный и стрессовый комплекс Великой Отечественной войны. Наши массовые источники⁷ показывают, а многочисленные воспоминания ветеранов подтверждают, что в любом регионе рождения рост юношей и подростков с началом войны просто остановился «на достигнутом». Так, юные уроженцы и жители Черноземья 1922 г. рождения успели дорасти до средних 167 см, 1925 г. рождения обеспечил лишь 164 см, родившиеся в 1926 г. рухнули до 160 см и далее до 156 см для 1928 г. рождения.

Сравнительная антропонимика советского Сопротивления

Свой вклад в понимание мотивации советской партизанской борьбы вносит и историческая антропонимика. Как было не раз показано (см.: [9]), имя, движение наречения в разных социальных слоях служит отличным маркером «дыхания» повышенной наследственной (ведь имя ребенку дают родители!) социальной активности (агрессии). Любая группа повышенной социальной активности всегда отмечена гораздо более модным наречением для своего времени (табл. 3).

Для православных, появлявшихся на свет в России-СССР в конце XIX – первой

⁷ Основным, часто исключительным массовым источником объективной антропометрической (рост, цвет волос и глаз, особые приметы, фотография) информации, а также других важных сведений (перенесенные в детстве и юности болезни, довоенная профессия, вероисповедание, национальность, девичья фамилия матери) по социографии советских военнослужащих периода Великой Отечественной войны являются немецкие личные карточки учета советских солдат, разными способами умерщвленных нацистами в плену. Горький вопрос: должны ли ученые благодарить немецких нацистов за вклад в современную историческую науку?

четверти XX века, в «комплект» модного наречения входили:

а) группы по 30–35 модных *календарных* имен от *Николая, Александра, Владимира* до *Игоря, Олега, Юрия* для мальчиков и от *Антонины, Валентины, Нины* до *Галины, Евгении, Людмилы* для девочек;

б) намеренное аллитерационно-ассонансное наречение в двучленном (имя–отчество, имя–фамилия) и трехчленном имени (имя–отчество–фамилия) с ростом доли имен с [Л-Л'] для девочек и [Л-Л' – Р-Р'] для мальчиков;

в) выход за рамки православных святцев с заимствованием имен из «чужих» христианских именников (*Адольф, Альберт, Роберт, Эдуард* и т. д.);

г) революционное именотворчество с использованием в качестве имени фамилий европейских революционеров и теоретиков коммунизма (*Жорес, Маркс, Энгельс* и т. д.), месяцев революционных событий (*Декабрь, Октябрь, Ноябрьрина* и т. д.), прямо сочиненных имен (*Вилор, Ким, Крамия, Совета, Нинель* и т. д.) и большевистских «расшифровок» редких календарных имен (*Вил, Ор, Римма* и т. д.).

Учтем и то, что мода на имя всегда рождалась в социально-сословной элите, столицах, городской верхушке, спускалась в городские провинциальные низы и затем разными каналами информации шла в село – от пригородов больших модернистских центров к далеким традиционным деревням.

Потому сравнительно высокий уровень (с «правильно» высшим у награжденных) модности наречения будущих (!) советских партизан впечатляет – ведь они на 94–99 % были родом из белорусских, западнорусских, украинских, центрально-черноземных сел и деревень. По любому показателю модности наречения советские партизаны в 1,5–2 раза превосходят «обыкновенных» православных красноармейцев сельского происхождения. По антропонимическим маркерам активности они уступают лишь таким категориям активного советского сопротивления врагу, как «доброволец» и «передан гестапо», но у последних доля родившихся в городах составила соответственно 29,2 и 28,5 %. Более того, имена бойцов в тылу врага отразили их большую заложенную социальную активность по сравнению с активистами антисо-

Таблица 3

Сравнительные характеристики наречения советских партизан и отдельных групп красноармейцев (мужчины)

Категория поиска по ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа»	Группа модных имен, %	Революционные имена уродившихся после 1916 г., %	Иван, %	Уроженцы городов, %
Партизан	21,2	0,61	10,	3,27
Партиз.	27,	0,81	11,6	5,7
Партизанского	26,3	0,81	11,5	5,8
Партизан награжденный	28,34	1,2	12,06	0,97
Доброволец РККА	35,5	0,69	9,8	29,2
Перешел на сторону врага	23,7	0,26	11,2	9,4
ВМН	25,4	0,08	11,7	11,7
Осужден	28,8	0,11	11,5	16,5
Дезертировал	21,7	0,3	11,7	18,
КП Мучкапского р-на Тамбовской обл.	15,6	0	15,7	0,24

ветского толка, несмотря на то, что среди последних доли «городских» составили от 9,4 («перешел на сторону врага») до 24,2 % («предатель»).

Отметим как фактор должного воспитания и очевидно просоветский характер родительских семей наших партизан, отразившийся в преобладании в увеличенном сегменте революционного наречения имен вроде *Вилен, Вилор, Виль, Ким, Комир, Крармия, Майя, Марклен, Нинель, Октябрь, Совета, Энгельс* и т. п., в то время как у будущих антисоветских активистов выход за рамки святцев прошел в основном по коридору с «красивыми» *Альбертами, Адольфами, Викторями, Дариславами, Марселями, Эдуардами, Элеанорами* и т. п.

Заключение

Итак, мы попытались «разобрать» на части и заново «собрать» коллективный портрет очень непростого, подвижного, многосоставного и массового явления – советские партизаны Великой Отечественной войны. Они взошли на свою жизненную вершину – пик вечной славы почти для всех, Голгофа для очень многих – в небывалой по напряжению и жертвам схватке с экзистенциальным врагом. Их героическая борьба и самопожертвование – обязательное условие Победы. Они – мертвые и живые – победители. Что сделало их такими?

В становлении партизанской части синергизма советского патриотизма сработали несколько формирующих условий.

Исходно среди родительских «гнезд» будущих советских партизан очевидно большей была доля семей с наследуемой повышенной социальной активностью (агрессией), подстегиваемой жизненными вызовами для российского крестьянства в 1870–1920-е гг. как преобладающего слоя происхождения. Эти жизненные вызовы, опыт Первой мировой войны и социальной борьбы в России первой четверти XX века, включая революцию 1917 г. и Гражданскую войну, подняли (как фактор должного воспитания детей) пробольшевистскую, просоветскую долю среди партизанских отцов и матерей и поставили многих из них в старшие по возрасту ряды советского Сопротивления.

Затем в формирование когорт все более молодых партизан все мощнее подключались факторы общего успеха «советского проекта» с такими развивавшимися факторами советского воспитания и мотивации, как советская школа, остальная советская культура от просвещения до книг и кино, служба в Красной Армии, пионерия, комсомол, ВКП(б) и, конечно, максимально раздвинувшийся и ускорившийся эскалатор социальной мобильности. К июню 1941 г. огромному большинству советской русскоязычной молодежи было что защищать, кроме своей жизни – новый социальный строй, новое государство, дававшие молодому растущему большинству чувство справедливости, правоты революционного выбора и небывалые жизненные перспективы.

Принципиальный вклад в формирование советского Сопротивления внес и совокупный противник, оборвавший все жизненные

планы, саму жизнь 22 июня 1941 года. Неважно, кто это был – идейные немецкие нацисты, «просто» солдаты Вермахта, военные в венгерской, румынской, финской, итальянской, словацкой, ОУНовской форме или их пособники в «гражданском». Все они, несмотря на детали их нравственно-политического «окраса» и послевоенных чувств, объективно и субъективно были смертельными врагами, не считавшими всех нас, тогдашних, за людей и не оставлявших нам шансов на жизнь. Они своими «делами» доказали это. Потому для огромного большин-

ства советских людей выбор был очевиден – отчаянно, неся невероятные потери, сражаться до победы, оставляя счастливое будущее выжившим или ждать своей очереди на уничтожение. Понимание необходимости экзистенциальной борьбы большинством советского народа было поддержано организационными и материальными возможностями государства. Необходимой частью данного патриотического соединения общества и власти стали советские партизаны со всем общим и особенным их коллективного портрета.

Список литературы

1. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860–1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (142). С. 120-126.
2. Дьячков В.Л. Регионы СССР во Второй мировой войне: степени социально-демографического участия и формирующих последствий // Война и люди: «мы» и «они» на изломе Второй мировой: сб. науч. ст. Тамбов, 2016. С. 158-169.
3. Дьячков В.Л. Регионы СССР во Второй мировой войне: методология и методика исследования, степени социально-демографического участия и формирующих последствий // Социальная история Второй мировой войны: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов, 2017. С. 15-33.
4. Дьячков В.Л. Les régions de l'URSS pendant la Seconde Guerre mondiale sous l'anglesociodemographique // Les enroles de force en Union Sovietique (1941–1955). Actes du colloque du 7 mai 2015 (Thierry Grosbois ed.). Luxembourg, 2017. С. 23-35.
5. Письма Великой Отечественной: сб. док-тов / отв. ред. В.Л. Дьячков, М.М. Дорошина. Тамбов, 2005.
6. Тамбовцы на фронтах Второй мировой войны 1939–1945 гг.: сб. док-тов / отв. ред. В.Л. Дьячков, М.М. Дорошина. Тамбов, 2010.
7. Дьячков В.Л. Красные, белые, зеленые Гражданской войны в России: истоки взрыва социальной агрессии и ее политического спектра. Ч. I. Методология и методика поиска // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 175. С. 157-165. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-175-157-164.
8. Дьячков В.Л. Красные, белые, зеленые Гражданской войны в России: истоки взрыва социальной агрессии и ее политического спектра. Часть II. Некоторые результаты маркировки социальной агрессии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24. № 178. С. 149-174. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-149-174.
9. Дьячков В.Л. «Вкусу очень мало у нас и в наших именах...»? В поисках «гена» социальной агрессии первой половины XX века в зеркале русского наречия // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: сб. науч. ст. и материалов «круглых столов» / под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2016. С. 80-93.

References

1. Dyachkov V.L. «Nashi mertvyye nas ne ostavyat v bede, nashi pavshiyе – kak chasovyye...»: Knigi pamyati kak istochnik v izuchenii sotsial'noy istorii Rossii 1860–1930-kh gg. [“Those who died won't leave us in trouble, our fallen – as centuries are standing...”: memory books as a source in learning russian social history of the 1860s–1930s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 2 (142), pp. 120-126. (In Russian).
2. Dyachkov V.L. Regiony SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne: stepeni sotsial'no-demograficheskogo uchastiya i formiruyushchikh posledstviy [Regions of the USSR in World War II: degrees of social and demographic participation and formative consequences]. *Voyna i lyudi: «my» i «oni» na izlome Vtoroy mirovoy* [War and People: “We” and “They” at the Break of World War II]. Tambov, 2016, pp. 158-169.
3. Dyachkov V.L. Regiony SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne: metodologiya i metodika issledovaniya, stepeni sotsial'no-demograficheskogo uchastiya i formiruyushchikh posledstviy [Regions of the USSR in the World

- War II: methodology and research technique, the degree of social and demographic participation and formative consequences]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sotsial'naya istoriya Vtoroy mirovoy voyny»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Social History of the World War II"]. Tambov, 2017, pp. 15-33. (In Russian).
4. Dyachkov V.L. Les regions de l'URSS pendant la Seconde Guerre mondiale sous l'anglesociodemographique. *Les enroles de force en Union Sovietique (1941–1955)*. Actes du colloque du 7 mai 2015 (Thierry Grosbois ed.). Luxembourg, 2017, pp. 23-35. (In French).
 5. Dyachkov V.L., Doroshina M.M. (executive eds.). *Pis'ma Velikoy Otechestvennoy* [Letters of the Great Patriotic War]. Tambov, 2005. (In Russian).
 6. Dyachkov V.L., Doroshina M.M. (executive eds.). *Tambovtsy na frontakh Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.* [Tambov Citizens on the Fronts of the World War II 1939–1945]. Tambov, 2010. (In Russian).
 7. Dyachkov V.L. Krasnye, belye, zelenye Grazhdanskoy voyny v Rossii: istoki vzryva sotsial'noy agressii i ee politicheskogo spektra. Chast' I. Metodologiya i metodika poiska [The whites, the reds, the greens of Russian Civil War: origins of high social aggression and its political spectrum. Part 1. The methodology and the research methods]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 175, pp. 157-164. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-175-157-164. (In Russian).
 8. Dyachkov V.L. Krasnye, belye, zelenye grazhdanskoy voyny v Rossii: istoki vzryva sotsial'noy agressii i ee politicheskogo spektra. Chast' II. Nekotorye rezul'taty markirovki sotsial'noy agressii [The whites, the reds, the greens of Russian Civil War: origins of high social aggression and its political spectrum. Part 2. Some results of marking social aggression]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 149-174. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-149-174. (In Russian).
 9. Dyachkov V.L. «Vksu ochen' malo u nas i v nashikh imenakh...»? V poiskakh «gena» sotsial'noy agressii pervoy poloviny XX veka v zerkale russkogo narecheniya [“There is lack of style in ourselves and our names”? Searching the “gene” of social aggression of the first half of the 20th century in the mirror of Russian naming]. *Rossiyskaya mnogopartiynost' i rossiyskiye krizisy XX–XXI vv.* [Russian Multiparty System and Russian Crises of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, 2016, pp. 80-93. (In Russian).

Информация об авторе

Дьячков Владимир Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.
E-mail: mayormp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

Поступила в редакцию 05.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 02.08.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the author

Vladimir L. Dyachkov, Candidate of History, Associate Professor of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mayormp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

Received 5 July 2019
Reviewed 2 August 2019
Accepted for press 20 September 2019